

Павел
Астахов

Простые
чудеса

НОВЫЕ ИСТОРИИ,
изменившие жизнь

Книга о чуде. Проза Павла Астахова

Павел Астахов

**Простые чудеса. Новые
истории, изменившие жизнь**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астахов П. А.

Простые чудеса. Новые истории, изменившие жизнь /
П. А. Астахов — «Издательство АСТ», 2021 — (Книга о чуде.
Проза Павла Астахова)

ISBN 978-5-17-138336-7

Однажды Павел Астахов удивил всех, представ перед нами не как известный правозащитник или телеведущий, а как истинно духовный человек, с глубоким уважением относящийся к Православной церкви. Его книга «Простые чудеса», вышедшая в 2018 году и основанная на подлинных историях из жизни, стала для многих настоящим откровением. В книге же, которую вы сейчас держите в руках, собраны новые истории Павла Алексеевича, а также рассказы, которыми с ним поделились гости программы «Простые чудеса», выходящей на телеканале «Спас», как обычные люди, так и знаменитости. С искренностью и простотой все они говорят о своем духовном опыте и тех малых и больших чудесах, которые происходили в их жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138336-7

© Астахов П. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Людмила и Руслан	7
Птички Божии	13
«Чайка» Лариса	16
Неслучайные дни	21
Двадцать первое августа	26
Двадцать первое августа. Истории продолжаютя	35
Афон	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Павел Астахов

Простые чудеса. Новые истории, изменившие жизнь

© Астахов П.А., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви.

ИС Р22-203-0043

* * *

Эта книга о Простых Чудесах посвящается православной монахине матушке Анастасии

(моей маме)

* * *

Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.

Послание Св. Ап. Павла к Ефесеянам, 6:12

Предисловие

После выхода первой книги «Простые чудеса» в моей жизни продолжили происходить интересные события и даже настоящие чудеса. Я старался рассказать максимально откровенно о том, что случилось со мной, моими близкими и просто знакомыми людьми. Безусловно, мне было интересно, как читатели будут воспринимать эти личные рассказы, вскоре я стал получать отзывы, письма и даже истории тех, кто хотел поделиться своим жизненным и молитвенным опытом. Скажу честно, что для меня эта книга стала, пожалуй, главной в череде произведений, которые я с удовольствием представляю вниманию читателей. Моя мама, которой я посвятил главу в «Простых чудесах» и много раз вспоминал ее во время написания, попросила у меня один экземпляр книги и стала давать его для чтения тем, кто к ней обращался. Она, как профессиональный библиотекарь, вела своеобразный формуляр и отмечала, кому и когда выдала книжку, затем забирала ее и передавала следующему читателю. Как-то раз она мне сообщила, что «книжку прочитал уже шестьдесят третий человек». Чувствовалось, что для моей матушки «Простые чудеса» стали чем-то особенным.

Через некоторое время я встретился с Борисом Корчевниковым, который уже несколько лет возглавляет замечательный православный телеканал «Спас». Он очень внимательно прочитал книгу и предложил подумать над созданием цикла передач на основе уже рассказанных там историй и новых, которыми так богата наша Православная Жизнь. Мы договорились, что вместе будем думать над форматом программы, но для начала все же обратимся за благословением к Святейшему Патриарху. Так мы и сделали. А в конце лета пришло известие, что Святейший Патриарх благословил создание передачи на телеканале «Спас», с тем же названием, что носит книга, и что особенно ответственно и волнительно – благословил меня стать ее ведущим.

Первая программа «Простые чудеса» вышла в эфир в день Рождества Христова, и теперь каждую субботу наша большая команда старается рассказать о чудесных встречах с Богом, произошедших с очень разными людьми, и пригласить этих людей к нам в эфир. Всех гостей нашей программы объединяет любовь к Богу и особое уважение и благодарность к Его Простым Чудесам. И если кого-то смущает слово «простые» в названии – не стоит искать здесь подвохов, ведь простота объясняется не пустотой, а, наоборот, предельной чистотой и ясностью Божественного Провидения, которое совершенно естественно приходит в жизнь тех, кто ищет Бога, молится, просит, идет сквозь тернии и препятствия к Спасителю и в итоге встречается с Ним! Вспомните, как говорил святой преподобный Амвросий Оптинский: «Где просто – там ангелов со сто! А где мудрено – там ни одного!»

В это издание вошли новые поразительные жизнеутверждающие истории, в том числе те, которые были рассказаны и показаны в нашей программе «Простые чудеса» на православном телеканале «Спас». Мне очень хочется, чтобы, прочитав их, каждый задумался и очень внимательно посмотрел на свою жизнь и события, которыми она наполнена. Уверен, вы найдете много интересного и удивительного, потому что главное Чудо с вами уже произошло, вы получили Бесценный Божественный Дар – ЖИЗНЬ – это главное и очень Простое Чудо.

Живите с Богом!

Людмила и Руслан

*Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их
уничтожит ли верность Божию?
Послание к Римлянам, 3:3*

Верность своему мужу или жене, верность идее, верность самому себе... Существует ли она вообще или мы – лишь листья на ветке семьи, которые трепещут от любого ветра, а иногда срываются и уносятся прочь, если порыв оказался слишком сильным? Я часто размышлял об этом и всякий раз приходил к другому, возможно, самому главному вопросу: исчезает ли верность Божия, если исчезла верность супруга?

С Русланом я познакомился очень давно, еще в девяностые годы. В то время я уже активно работал адвокатом и брался за самые разные дела. Однажды мой клиент-дизайнер, видимо, находясь под впечатлением от только что выигранного процесса об авторских правах, спросил меня: «Слушай, а ты можешь помочь Руслану? Я тут подвизался оформлять помещения для московского представительства одной зарубежной компьютерной корпорации, Руслан – это их руководитель, из Америки не так давно приехал. Знаю, что у них сейчас возникли серьезные проблемы, нужна юридическая помощь». Я пожал плечами, ответил: «Конечно, давай с ним увижусь».

И вот мы встретились. Шикарный офис в районе Цветного бульвара, просторный и прекрасно отделанный – все очень стильно, очень по-заграничному. А напротив меня сидит Руслан, такой же роскошный и «заграничный», как все, что его окружает. Он рассказывает о возникших трудностях, мы обсуждаем всякие юридические тонкости будущего дела, я смотрю на него и понимаю – он действительно необычный человек.

Как раз тогда в страну стали возвращаться молодые люди, чьи родители в свое время увезли их из СССР. Выросли и выучились они уже на Западе, так что у них имелся совершенно новый взгляд на мир и по-новому устроенные мозги. Мыслили они непривычно для нас тогдашних, и наблюдать за ними и их работой оказалось очень интересно. Руслан был именно из этого поколения. Он долго жил в США, окончил там университет, работал, затем получил должность главы представительства крупного компьютерного концерна – а это серьезная ответственность и серьезные деньги – и переехал в Россию. Женился. На тот момент у них с женой Людмилой уже было двое детей, мальчик и девочка.

В общем, да, человек необычный, интригующий, но... абсолютно неверующий. Это меня тогда кольнуло, однако на религиозные темы мы с ним не говорили, обсуждали исключительно юридические вопросы.

С делом его мы в конце концов разобрались, но и после этого периодически встречались на различных мероприятиях. Концерн усиленно продвигался в России, проводил большие акции, спонсировал культурные события, и меня стали туда приглашать. Выяснилось, что у нас с Русланом много общих знакомых (например, с ним тогда близко дружил мой товарищ по работе Артем). Так что мы постепенно стали общаться все чаще, я познакомился и с Людмилой, и с их замечательными детьми. Прекрасная семья, крепкая, устремленная в будущее.

Казалось бы, что еще нужно? Особенно если учесть, что с работой у Руслана все было в порядке, компьютерный бизнес развивался более чем хорошо. Если помните, в конце девяностых годов случился бум покупки высокопродуктивной компьютерной техники из-за рубежа в Россию, все кинулись оборудовать свои офисы и кабинеты. Так что моего нового товарища ждали насыщенные трудовые будни и большие прибыли. Рекорды бились один за одним, Руслан богател – все шло не просто хорошо, а очень хорошо.

И вдруг я узнаю, что он бросает жену с двумя детьми и уходит к своей секретарше...

Конечно, все вокруг были в шоке. Хотя ситуация, в целом, не такая уж и редкая, в чем-то даже типичная: начальник – секретарша. В сторону Люды Руслан больше и не смотрел. Общие знакомые сказали, что в последний год их семейная жизнь счастливой выглядела лишь внешне – Руслан стал отворачиваться и отдаляться от жены, ругаться на нее, постоянно всячески оскорблять. А уже после их расставания говорил всем, насколько она ему надоела и стояла поперек горла: и не растет интеллектуально, и дура, и плохая мать – такой обычный перечень претензий, которые я, как адвокат, слышу от разводящихся супругов довольно часто. Все знакомые и друзья Руслана пытались вразумить, спрашивали: как же так, вы столько лет вместе прожили, детей вырастили, такое понимание было... Он в ответ им: нет, всё, надоела, не интересна, не хочу, а любовь у меня нынче другая! И ушел из семьи окончательно и бесповоротно, причем его новая женщина чуть ли не сразу родила ему ребенка.

Дальше я в силу обстоятельств и занятости немного потерял его из виду. И то, что происходило потом, мне уже рассказывали друзья. Рассказывали, в частности, и то, что творилось у Людмилы.

А Людмила пребывала в состоянии шока. Жизнь, которую она так долго и с такой любовью выстраивала, разрушилась. И двое детей... Что делать, куда идти, как вообще жить без мужа? Женщине было не просто больно, ее буквально выворачивало наизнанку, боль разрывала ее на части, она находилась в полной растерянности. И дело вовсе не в деньгах – Людмила тоже работала, в страховой компании; но когда тебя лишают самого важного, это выбивает все опоры из-под ног.

В это время начальство отправило ее в командировку в Казань. Люда сначала отказывалась, не хотела никуда ехать. Как вообще можно что-то делать, куда-то передвигаться, что-то решать, когда все, о чем ты в силах думать, это твое безумное горе, депрессия, которая накрывает с головой? А хватает тебя только на самые простые вещи: почистить зубы, пойти на работу, накормить детей. Вот, кстати, и детей как оставить в такой ситуации? Но все же Людмила инстинктивно чувствовала, что ей нужно хоть немного отвлечься, так что в итоге она согласилась и вместе со своей сослуживицей Ириной отправилась в путь.

Они выехали из Москвы ночным поездом и всю дорогу вместо того, чтобы спать, разговаривали обо всем на свете. Людмила не выдержала, расплакалась, поделилась тем, что у нее случилось. Послушав ее, Ирина ненадолго задумалась и вдруг спросила:

– Люда, а ты крещеная?

– Да, – удивленно ответила та.

– Тогда тебе надо поехать в монастырь.

Женщина вздохнула:

– Ну какой монастырь? Что ж теперь, совсем все бросить и в монахини уйти?

– Да не в этом дело, – замахала руками Ира. – Нужно поехать пообщаться со старцами, с сестрами. Да и просто побыть одной несколько дней. Помолиться. Там тебя и молиться научат правильно.

– Да я как-то не умею. Не знаю... я и в церкви никогда не была. Крестили в детстве, вот и все.

– Тогда тем более надо!

Ирина рассказала ей, что под Казанью много разных монастырей, и раз уж они в командировке, то можно выбрать время и попробовать съездить хотя бы в один из них.

Так они и сделали. Ирина отвезла Люду в монастырь, и они провели там три дня. В беседе с игуменьей-настоятельницей женщина, наверное, впервые услышала странные, непривычные для нее слова. «Молись, – сказала ей матушка. – Вера твоя сейчас слаба, а испытание к тебе пришло тяжелое, и нужно его выдержать. Молись. Проси Господа о помощи. Старайся». И

Люда постаралась поверить, все эти три дня она постоянно молилась о возвращении мужа. Но оставаться в монастыре дольше они не могли, уехали домой.

Прошел год. Все это время Людмила по-прежнему металась, не находя покоя. Подруги советовали ей одного психолога за другим, пару раз отводили ее к «потомственным ведьмам», те клятвенно обещали вернуть любимого, но никакие их заговоры не действовали. Она то ходила в храм, то не ходила, то молилась, то, унывая, бросала. Настроение менялось каждый день, но лучше, к сожалению, не становилось. Руслан не возвращался, нянчил новорожденного ребенка от своей секретарши, наслаждался новыми чувствами. Да и выглядел он счастливым, ходил по тусовкам, всем рассказывал, как ему теперь хорошо.

Люда же совсем отчаялась. Так, увы, часто происходит. Вот она ходит по храмам, нигде не находит ответа, нигде не видит помощи, не понимает, как молиться, да и зачем молиться. Ответа все равно нет. На человека в такие моменты наваливается невероятное уныние, тоска, ощущение безысходности, а это самое страшное состояние, которое только может быть. И вот тогда в последнем проблеске надежды Людмила отправилась в Даниловский монастырь. Может, хоть там помощь найдет...

В монастыре она несмело подошла к монахине, одной из тех, что прислуживали в храме, попросила поговорить с ней. Та внимательно ее выслушала, покачала головой: «Ох, деточка, что тут сказать, ты и сама все знаешь... Молись, молись – ничего другого не остается. К могиле блаженной Матроны Московской сходи, она поможет». Действительно, а что еще можно сделать в этой ситуации? В полном отчаянии Люда воскликнула: «Неужели вы мне ничего больше посоветовать не можете?!» И вся заплаканная выбежала наружу.

Побрела по Даниловскому кладбищу к могиле святой, помолилась там, как умела, идет обратно, слезы текут, остановить их никакой возможности. Столько боли, столько тяжести внутри, душа разрывается... В какой-то миг, продолжая идти, взглянула на небо и сказала вслух: «Нет у меня сил. Нет у меня больше сил, Господи. Год я за него молюсь, по храмам хожу, свечи ставлю, молебны заказываю... Все, не могу больше, не хочу жить. Ты меня оставил, муж меня оставил, никакие святые не помогают, – и с тоской добавила: – Пожалуйста, ну хоть какой-то знак мне дай!»

И тут где-то рядом, возле дерева, раздается хлопанье крыльев, а через мгновение ей на голову опускается голубь.

Людмила так испугалась, что чуть сознания не лишилась. С одной стороны, боится шевельнуться, дыхание перехватило, с другой – ноги сами продолжают шагать... Она идет, а голубь все сидит, не улетает. Тут навстречу монахиня. Заметив ее, Люда наконец остановилась, замерла. Монахиня спокойно подошла к ней и говорит: «Что остановилась? Иди, так надо! Молись святому Николаю».

Людмила чуть вздрогнула и кивнула – голубь не тронулся с места, – молча пошла, добралась до выхода с кладбища. Вот тут раз – и птица взлетела. Людмила поворачивается, а монахини нет. И голубя нет. Никого нет. Она одна на кладбище.

Женщина бегом ринулась домой. Что это было? Что с ней сейчас произошло? Она не могла понять. Дома у нее хранилась маленькая икона Николая Чудотворца. Нашла ее, нашла молитвы и акафист святителю Николаю – давай читать. На следующий день опять поехала в храм, заказала молебен.

И вот так три месяца каждый день. Молитва святителю Николаю открывала Люде новую надежду. И веру, которая пусть и была еще робкой, но Спаситель однажды сказал своим ученикам: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Ровно через три месяца в один из вечеров раздался звонок в дверь. Людмила пошла открывать и... застыла. На пороге стоял Руслан с чемоданом в руках. Непривычно тихий, серьезный, даже будто застенчивый. Не

зная, что сказать, она просто смотрела на него и ждала. Наконец, глядя Люде в глаза, Руслан произнес: «Прости меня. Я вернулся. Я... все понял. Если примешь, буду с тобой до конца».

И она приняла.

Но на этом дело не закончилось. Вопреки всем сомнениям, которые, конечно, оставались, Руслан действительно изменился. Он сам захотел креститься и через некоторое время так и поступил, взяв при крещении имя Николай. А чуть позже они с Людмилой пошли еще дальше и обвенчались. Спустя год у них родился третий ребенок, мальчик, который при крещении получил имя Николая в честь того самого святого Николая Угодника.

После крещения, венчания и рождения сына Руслан стал совсем другим человеком. До такой степени, что давно знакомые с ним люди теперь просто его не узнают. Где тот бравировующий бизнесмен, который кичился своим богатством, хвастался новой молодой женой и не стеснялся хаять прежнюю? Он исчез без следа. Нынешний Руслан очень аскетично одевается, не выпячивает свое благополучие, все свободное время посвящает жене и детям, однако не забывает и другого своего ребенка, поддерживает как может. В какой-то момент начал ездить в паломнические поездки – для него это стало важнее всех клубов и вечеринок. И каждое воскресенье он в храме, все посты соблюдает. Совершенно другой человек, изменился до неузнаваемости.

Не выдержав, друзья все же стали расспрашивать его:

– Что же тогда произошло? Почему ты все-таки вернулся к жене? И дальше такие перемены...

Он вздохнул, пожал плечами:

– Сам, наверное, до конца не понимаю. Просто в какой-то момент осознал, что засыхаю там, в другой семье. Прямо физическое ощущение было. Знаете, даже цветы это подтверждали... Представьте себе, покупаю своей женщине цветы, приношу, ставлю в вазу, а через пару часов они засыхают. Я снова покупаю – та же история. И так раз за разом. Уж что только не пробовал: таблетки и порошки специальные для подкормки кидал, воду менял – все равно засыхают и засыхают. Вот и я чувствовал, что засыхаю рядом с ней. Вроде и любовь, и ребенок маленький, но... не то. И однажды будто какая-то сила взяла меня и повела обратно к жене, потащила даже. И я осознал, что не хочу этой силе сопротивляться.

И это было вполне понятно...

Не получил там того, что потерял здесь, и уж тем более не нашел там Бога. Людмила тем временем прошла свой путь, и он, как бы тяжел ни был, привел ее к вере, а через это открылась дорога к Господу и для Руслана. «Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?» – спрашивал апостол Павел в Первом послании Коринфянам, и Люда нашла ответ, буквально вымолив своего мужа. Если подумать, сделать это ей было вдвойне сложнее, ведь Руслан в тот момент был некрещеным, а некрещеную душу вымалывать гораздо труднее. Святитель Тихон Задонский писал: «Ибо до Крещения мы были мертвы, как от греха умершие, и ни к какому доброму делу неспособны, – что же мертвый может сотворить? – и потому пред Богом были как бы несуществующими, ибо для Бога тот только жив, кто для греха мертв». А как молиться за того, кто «не существует»? Лишь по Своей великой милости Отец Небесный видит таких людей и может достучаться до их закрытых сердец. Люда делала все, что могла, – она молилась, Бог же услышал ее и совершил все остальное.

Эта история для меня до сих пор – истинное чудо. И все, что происходило с Людмилой, и возвращение Руслана, и то, что, несмотря на неверность супруга, Бог оказался верен. Но поразительнее всего – невероятная метаморфоза, случившаяся с человеком: превращение неверующего Руслана в послушника Николая.

Настоящее невыдуманное преображение, пример которого показал сам Господь, преобразившись перед учениками на горе Фаворской. Также можно вспомнить и людей, которые по

Его молитвам, глядя на творимые Им чудеса, изменялись навсегда. И тут есть один тонкий момент. Конечно, проще всего заметить физические перемены: прокаженный очистился, бесноватый выздоровел, хромым пошел, незрячий прозрел – это чудеса, которые люди могли увидеть своими глазами, потрогать руками. Но гораздо важнее преобразование духовное!

Мы можем прочесть в Евангелии, что Господь очень много и часто говорил именно про внутреннюю трансформацию, ставил ее выше всех физических изменений. Например, однажды к Иисусу пришел Никодим, известный иудейский начальник, и начал восхищаться Его делами: «...таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог». Господь же, вместо того чтобы согласиться, вообще не обратил на это внимания, а просто сказал Никодиму, что духовные перемены намного важнее: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». И так было все время: Христос объяснял, что земное не имеет значения, ведь в Царстве Небесном самые малые станут самыми большими, а последние – первыми. Никому в нашем мире неизвестные, небогатые, незнатные люди будут рядом с Господом вечно, а наши «звезды», богачи, все те, кому мы по слабости можем позавидовать, если не преобразятся внутри себя, навсегда останутся в темноте.

Однако невозможно понять, что такое духовная трансформация, пока не познал ее на практике. И вот когда на наших глазах, на глазах всех знакомых Руслана и Людмилы, произошла эта история, она стала примером истинного преображения. Мы видели Руслана в самых разных ипостасях. Сначала приехавший с Запада кичливый, бравирующий, нагловатый человек, абсолютно успешный, с достатком, положением и властью, большой начальник с тысячами людей в подчинении, с огромными денежными потоками на фирме – всем и всеми он руководит; его конфликты с Людмилой. Потом новая семейная жизнь, молодая жена, ребенок, а также вечеринки, тусовки, алкоголь рекой и все прочее... И тут все изменилось. Полностью. Будто человек родился заново. Спокойный, вежливый, постится, причащается, строгий молитвенник. Все смотрят на него и говорят: другой человек! Абсолютно другой человек.

Это и есть духовные изменения, и именно они – настоящее чудо. Ведь у человека к тридцати-сорока годам уже давно устоявшаяся индивидуальность. Ученые говорят, что ядро личности и характера формируются у ребенка до пяти-семи лет, в эти годы закладываются основные ценности, и потом их сложно изменить. Но оказывается, для человека, который идет по пути к Богу, все возможно. Как в последний миг своей жизни разбойник раскаялся и вошел в Царствие Небесное, так случилось и здесь: Руслан по-настоящему преобразился, вернулся в семью и сделал наконец счастливыми своих детей и жену.

Последнее замечание тоже очень важно. Сама Людмила отмечает, что она не считает ту жизнь, до ухода Руслана из дома, совершенно счастливой, и понимает, что все равно все было по-другому, потому что жили без Бога. И она сама очень сложно шла к Нему. Ее отчаяние, уныние, неверие в то, что ситуация может поменяться, тянули ее назад. Вот она по психологам ходит и ходит – ноль результата, вот решила на всякие «привороты-отвороты» – тоже ничего, к Богу пошла: целый год монастырей, храмов, молитв – и не помогает! Человек на грани отчаяния... Но известно, что самый темный час – перед рассветом, а еще в Писании сказано, что Господь никогда не попускает человеку испытаний больше, чем тот может выдержать. Он просто ждет особого момента, испытывая человека на прочность, заставляя его задуматься о своей жизни, давая возможность решить вопрос собственными силами (с Его помощью, конечно). И я столько раз в жизни видел: в самый последний, самый беспросветный момент приходит помощь. Как это было у Людмилы, когда она сказала: Господи, нет больше сил, ни во что не верю, дай хоть какой-то знак – и вдруг прилетает голубь, да и монахиня возникает словно ниоткуда с добрым советом.

Думая об этом, я всегда вспоминаю слова апостола Павла: «Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может». И сам себе отвечаю на вопрос, который задал в начале этой истории.

Удивительно, но у меня, как и у Людмилы, тоже был похожий момент, и тоже связанный с птицей...

Птички Божии

*И подлинно: спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и
возвестит тебе...
Книга Иова, 12:7*

С детства я слышал о знаках и символах, связанных с птицами. Помню, наши бабушки во дворе шептались: бьется синица в окно – это к добрым вестям, а если в дом воробей залетел – значит, к несчастью. Были свои приметы насчет ласточек, ворон, петухов и чуть ли не всех пернатых на свете. Способность летать, свобода и легкость, связь с небом сделали крылатых созданий героями многих историй, символами для различных понятий и верований.

В Библии птицы упоминаются довольно часто. Прежде всего, мы, разумеется, можем вспомнить голубя, принесшего оливковую ветвь на Ноев ковчег и этим возвестившего, что Потоп окончен и людям дан второй шанс на жизнь. Или момент, когда Иисус крестился и Дух Святой снизошел на него также в виде голубя. С птицами связана также история пророка Илии: во время засухи вороны по указанию Божьему приносили ему хлеб и мясо.

А сколько еще поэтичных аллегорий и упоминаний! «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих», – пел царь Давид в своих псалмах. «Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое», – говорил уже его сын, царь Соломон. «Как птицы – птенцов, так Господь Саваоф покроет Иерусалим, защитит и избавит, пощадит и спасёт», – писал пророк Исаия. Сам Иисус не раз использовал подобные сравнения: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

Отдельная и очень интересная тема – использование птиц в иконографии. Глядя на иконы, часто мы сосредотачиваемся (и это правильно!) на образах Христа, Богородицы и святых. Однако если всмотреться в некоторые из них, можно заметить, что животные и птицы иногда тоже там присутствуют. Например, в изображении Святого Семейства в византийской живописи младенец Иисус нередко держит в ладонях щегла либо получает его из рук юного Иоанна Крестителя. Почему именно щегол? Известно, что эта певчая птица питается семенами колючего чертополоха, посему она с давних пор вызывает ассоциации с терновым венцом Христа. Кроме того, есть легенда о восхождении Господа на Голгофу: в ней щегол садится на терновый венец и вырывает из него иголку, обагрив лицо Иисуса кровью. Так что на полотнах с Младенцем эта птица – символ страстей Христовых и в Его руках означает предвестие будущих страданий, когда Господь примет мученическую смерть и искупит грехи всего человечества.

Подобный сюжет можно встретить и в русской иконописи, только вместо щегла у нас изображают голубя. Первое появление на Руси «голубиной» иконы пришлось на конец XIV века. Согласно житиям святых, преподобный Арсений принес ее с Афона и поместил в основанном им же монастыре на острове Коневец. Здесь она получила название «Голубицкой» или «Коневской» и почиталась как чудотворная. К сожалению, до наших дней она дошла лишь в виде копии начала XVI века, но стала прототипом других русских икон. На ней младенец Иисус одной рукой держит голубя, связанного за ножки нитью, а конец нити у Него в другой руке. В ветхозаветные времена именно голубей, считавшихся чистыми птицами, приносили в жертву Богу; Христос же впоследствии стал новозаветной «совершенной жертвой». Так что здесь эта символика очевидна. Но откуда же на изображении появилась нитка? Скорее всего, связанная птица была уподоблена душе человека, привязанной ко греху. Иисус смотрит на нее, сострадает ей и более того – может ее освободить. Также нить напоминает нам о смирении

и покорности, а в Евангелии Христос прямо говорит: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем».

Икона Богоматери Голубицкой прославилась многими благодатными знаменами. Так, по дошедшим до нас свидетельствам, она дважды спасала Конец от захвата шведами, и за ней прочно утвердилась слава покровительницы Ладоги.

В том же XIV веке произошло еще одно знаковое «птичье» событие, отраженное впоследствии на иконах и связанное на сей раз с преподобным Сергием Радонежским. В житии святого описан момент, когда однажды вечером отец Сергей, живший в то время в основанном им Троицком монастыре, молился о своих братьях-монахах. Внезапно чей-то голос позвал его по имени. Преподобный удивился и вышел на поляну перед кельей, чтобы посмотреть, кому он понадобился. Неожиданно все озарилось ярким светом, и снова раздался голос: «Сергий! Ты молишься о своих чадах, и Господь принял твою молитву». Преподобный оглянулся и увидел удивительных птиц, летавших вокруг него и по всему монастырю. Голос же произнес: «Так же, как и виденные тобою стаи птиц, будут многочисленны твои ученики, и после тебя они не оскудеют, если только захотят последовать твоим стопам». И это пророчество сбылось: последователи Сергия Радонежского разлетелись по миру, основав много известных монашеских обителей и таким образом объединив все уголки Руси в единое духовное пространство.

Возвращаясь в наши дни... Прилет птиц всеми воспринимается по-разному: суеверные люди или боятся этого, или, наоборот, радуются, люди верующие относятся спокойно, могут вспомнить строки из Писания или случаи из жизни святых людей. Я же задумался об этом совсем недавно, как раз тогда, когда узнал про Людмилу и ее встречу с голубем в Даниловском монастыре.

Точно так же, как она, недавно я оказался на распутье, не зная, что делать. Состояние и моральное, и физическое у меня было очень тяжелым. Я молился, просил у Господа ответа, но он не приходил – никакой отдачи, ни знака, ничего. Сам-то я всегда всех убеждал, что нельзя сдаваться, напоминал слова из Евангелия: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Мы все теоретически знаем это, но либо не исполняем, как должно, либо сами не до конца верим.

И вот в такой момент мы вместе с моим средним сыном и его товарищем по случаю оказались в Самарской области. Я помню тот день очень хорошо.

Мы стоим на поле за городом. Ноябрь, солнце, прозрачное голубое небо. И тут видим – летят вороны. Один ворон пролетел, другой... Я замер, смотрю в небеса, и снова летит ворон. Сам не знаю почему, я говорю: «Господи, вот птица божия... Я каждый день молюсь, но никаких знаков не вижу, не чувствую ничего. Наверное, по немощи своей, потому что вера слаба. Но птица, она же ближе к Богу, чем мы. Поддай мне знак!»

И вдруг прямо надо мной высоко-высоко в небе останавливается ворон и делает круг, затем второй, третий... А я гляжу на это, открыв рот. Три круга – и птица улетает дальше. Подбегает ко мне мой сын, спрашивает: «Пап, что это сейчас было? Почему ворон кружил над тобой?» Я стою, не знаю, что сказать. В принципе, вороны просто так никогда не кружат над человеком; разве только в песнях и былинах, да и то случайно. Но здесь... Неужели это из-за того, что я дерзнул и попросил Бога дать мне знак?

Из Самары домой я вернулся весь в смятенных чувствах. И тут же принялся рассказывать эту историю жене. «Представляешь, – говорю, – вот такое произошло: стоял, думал про эти знаменания, про птиц, и тут ворон прокружил надо мной». Светлана молча взглянула на меня и протянула книгу, которую как раз держала в руке. Я смотрю, а это автобиография Анны Семак, жены Сергея Семака, нашего известного футболиста, ныне тренера «Зенита». Называется она «Близость».

Я поднял на Светлану удивленный взгляд, и жена рассказала, что в этой книге Анна описывает, как она, девочка, выросшая в семье диакона, шла к Богу; и есть там отдельный эпизод про птиц, про то, как вброды тоже однажды подали ей знак. Анна пишет, что тогда увидела в них Божьих посланников. Тут я как стоял, так и сел. То есть со мной в Самаре произошла эта ситуация с вороном, и ровно в это же время моя жена читала эпизод про воронов, посланников Господних, в книге Анны Семак. Светлана посмотрела на меня, такого растерянного, и улыбнулась. Улыбнулся и я.

Было ли это простым совпадением, я не могу сказать. Но вся эта ситуация дала большую пищу для размышлений. И отныне слова «ищите и обрящите» стали мне ближе и понятнее.

«Чайка» Лариса

Время искать, и время терять...

Время войне, и время миру.

Книга Екклесиаста, 3:6, 8

В силу занятий и рода деятельности мне часто везет на встречи с интересными личностями. Будучи ведущим программы на телеканале «Спас», я уже успел побеседовать с известными музыкантами, актерами или непубличными, но не менее глубокими людьми и послушать их истории, в том или ином аспекте затрагивающие духовные вопросы. Так, например, мне посчастливилось разговаривать с замечательной женщиной, народной артисткой России Ларисой Анатольевной Лужиной. О ней можно было бы написать отдельную книгу – настолько разносторонний человек с удивительной судьбой. Здесь я попробую немного поделиться тем, что она рассказала, тем более что и в ее жизни был момент, связанный с птицей, обратившейся своеобразной Божьей посланницей.

Детство Ларисы пришлось на годы Великой Отечественной войны и не менее тяжелое послевоенное время. Первый раз ее мать, Евгения Адольфовна, вышла замуж очень рано, в шестнадцать, и в этом браке родила дочку Люсю. Однако союз оказался совсем недолговечным, а чуть позже девушка встретила Анатолия Лужина. У Толи в тот момент уже имелась невеста, но, увидев Женю, он влюбился без памяти и женился на ней вопреки давлению своей семьи. Вскоре на свет появилась их дочь Ларочка. Потом молодые смеялись, что, мол, это семейная традиция: отец Анатолия так же в свое время, встретив будущую бабушку Ларисы, совсем потерял от нее голову и даже писал прошение Николаю II, чтобы ему разрешили быть вместе с любимой.

Но счастье Толи и Жени было недолгим. Ларисе едва исполнилось два с половиной годика, когда началась война. Анатолий, моряк торгового флота и штурман дальнего плавания, пошел ополченцем защищать кронштадтскую батарею «Серая лошадь». В 1942 году его ранило, и товарищи привезли его из Кронштадта домой на долечивание. Евгения долго выхаживала Толю, но все-таки он умер, причем не столько от ран, сколько от истощения. Ему тогда было всего двадцать семь лет. Сама едва держась на ногах, юная женщина кое-как зашила тело мужа в одеяло и вытащила на улицу. Те первые два года блокады были самые страшные, с их неизвестностью, голодом и жуткими морозами; никаких отдельных похорон не предусматривалось, просто подъезжал грузовик и забирал покойников из дома. Так что Анатолия вместе с другими умершими погрузили в кузов и увезли. Куда, мама Ларисы точно не знала, лишь предполагала, что в общую могилу на Пискаревском кладбище.

Вернувшись в квартиру, Женя как во сне начала прибирать постель, с которой в последние дни Толя уже не вставал, и, подняв подушку, вдруг увидела – все кусочки хлеба, которыми она его пыталась накормить, лежат там. Девушка едва смогла сдержать слезы: оказывается, он оставлял хлеб для дочек и жены, чтобы хоть как-то спасти их. Лариса, кстати, до сих пор считает, что жива только благодаря этим кусочкам и милосердию Господа.

Целыми днями Евгения трудилась на заводе «Красный треугольник», чтобы заработать свою пайку – 125 г хлеба в день. Люсе и Ларе приходилось оставаться одним; когда завывали сирены, девочки, боясь идти в подвал-бомбоубежище по страшным темным лестницам, прятались от бомбежек под кроватью. И все же старшая сестренка блокаду не пережила: ей на тот момент уже исполнилось шесть, растущий организм требовал больше еды, а взять ее было неоткуда.

Погибла при налете и бабушка Ларисы. Они с Женей пошли на улицу, чтобы поискать какие-нибудь дрова для обогрева, и как раз раздался сигнал воздушной тревоги. Бабушка, едва услышала свист, крикнула дочери «ложись!», нырнула вниз, Женя – за ней. Рядом, на соседский дом упала бомба, один осколок залетел во двор... Когда все закончилось, Женя поднялась, ее мать – нет.

Но вот наконец долгожданный прорыв блокады! По «Дороге жизни» Ларису с матерью вывезли первым же эшелоном и эвакуировали в Сибирь в город Ленинск-Кузнецк. Товарные вагоны были набиты под завязку, однако никто не жаловался, все мечтали вырваться на свободу. Впрочем, судьба эвакуированных оставалась неизвестной до самого конца. На некоторых станциях поезд останавливался, из вагона высаживали часть людей, к ним подходили местные жители и разбирали их по своим домам и квартирам. В Ленинск-Кузнецке вышли Евгения с Ларой и еще несколько человек. Забрали всех, а они остались одни на перроне, никто их не позвал. Конечно, в основном брали тех, от кого могла быть польза в хозяйстве. А какая особая польза от истощенной женщины с крошечным ребенком?

Поезд уже ушел, а они все стояли и стояли... И тут к ним подошла женщина – как они позже узнали, звали ее тетя Наташа, – встала и говорит: «Пойдемте к нам». Потом уже она рассказывала: «Я смотрю, девочка с большими глазами, полными слез, переминается с ноги на ногу и мама ее... худенькие обе. И так стало жалко». Сейчас Лариса думает, что это сам Господь Бог подсказал тогда Наталье сжалиться над ними. И хотя тетя Наташа с дочкой жили очень бедно, однако все-таки забрали Евгению и ее маленькую дочь к себе, так что они тоже оказались в руках хороших, добрых людей. Ютиться, правда, пришлось в землянке для хранения овощей, хозяйка дала им буржуйку и нашла кое-какую одежду, Лариса вспоминает, что ей досталось «пальто» – пиджак мужа тети Наташи.

В сорок пятом году Лара с мамой вернулись обратно в Ленинград, но их квартира оказалась занята другими людьми, так что ничего не оставалось, как уехать к родственникам в Таллин. Там им на двоих выделили комнатку площадью в шесть квадратов; у Ларисы даже не было кровати, она спала на стульях, приставленных друг к другу.

Школьные годы Лары прошли в Эстонии. Несмотря на то, что на дворе были советские времена, отличавшиеся завидным безбожием, девочка сохраняла в душе веру, пусть слабую, детскую, но, как она потом однажды призналась, «это было в крови». Лариса часто вспоминает Казанскую церковь Божьей Матери, которая находилась рядом с их домом, и как они, школьники, бегали туда: не только из любопытства, а еще потому, что хотелось прикоснуться к неизведанному. Помнит она и старинные иконы, чудом сохранившиеся в храме. В беседе со мной Лариса упоминала, что особенно интересно было попасть на какой-нибудь церковный праздник и причастие, и с легким смехом рассказывала, как они с друзьями принимали благословение, потом бежали обратно, вставали в хвост очереди и снова подходили к батюшке. Тот улыбался – он их, конечно, узнавал, но не гонял. Крестилась она уже много-много позже, но до сих пор сохраняет трепетное, святое чувство по отношению к иконам и вот к этому батюшке, который их тогда пригреб.

Примерно в то же время Лариса всерьез увлеклась театром, записавшись в драмкружок, а после окончания школы решила ехать в Ленинград, поступать в театральный. Однако сразу это сделать не получилось – конкуренция за места была слишком высока. Вернувшись в Таллин, девушка устроилась на работу, в частности успела потрудиться на кондитерской фабрике, но затем перешла в Дом моделей, и там Ларису наконец заметили – позвали на съемочную площадку, дав в одном из фильмов роль второго плана. Потом был долгожданный ВГИК и начало кинокарьеры; спустя несколько кинокартин с участием Ларисы на молодую актрису обратили внимание уже и зрители.

Одним из знаковых моментов стала для нее «Вертикаль», после выхода этого фильма Лариса оказалась востребованной как никогда. Кроме того, на съемках они подружились с

Владимиром Высоцким, и тот даже посвятил ей песню. Правда, на взгляд актрисы, несколько легкомысленную, и все же вспомнить такое приятно! *«Куда мне до неё – она была в Париже, И я вчера узнал – не только в нём одном!»*¹

Еще одна история, о которой Лариса всегда рассказывает с теплотой, это съемки фильма «Так начинается легенда», где ей предложили роль матери Юрия Гагарина. Чтобы достоверно сыграть Анну Тимофеевну, актриса лично поехала к ней в Гжатск и долго общалась, проникаясь духом этой скромной крестьянской женщины, запоминая ее манеру говорить и двигаться. Говоря о Юре, Анна Тимофеевна не могла сдерживать слез, но ее рассказы были очень ценны, и кое-что из них впоследствии даже вошло в фильм.

Личная жизнь у Ларисы складывалась по-разному, было несколько браков, но одним из самых главных чудес она считает рождение сына Паши. Незадолго до того ей сделали операцию и сказали, что детей может и не быть. Но судьбе и этого показалось мало: чуть позже актриса попала в больницу с микроинсультом, и доктор-невропатолог Александр Талантов, поставивший ее на ноги, предупредил, что рожать опасно из-за огромного перенапряжения организма. Однако он вполне оправдывал свою фамилию и действительно был талантливым врачом, так что, когда узнал, что Лариса в положении и очень хочет родить, ведь, возможно, это для нее единственный шанс иметь детей, то сказал: «Беру ответственность на себя, пусть рождает». В те дни Лариса молилась Господу, святой Матронушке Московской и, как ленинградка, – конечно, блаженной Ксении Петербургской, в которых неизменно верила. И они ей помогли! Несмотря на все плохие прогнозы, она сумела родить долгожданного здорового ребенка. Все прошло благополучно и легко именно благодаря ее непрестанным молитвам и вере.

«Я очень благодарна Господу Богу, – сказала мне Лариса Анатольевна в нашей беседе. – А больше всего благодарна, что у меня есть один-единственный сын, но зато трое внуков... Если бы сейчас не было сына, это оказалось бы ужасно. Было бы очень больно жить на этой земле, потому что все-таки без детей очень сложно». Я согласился с ней и ответил, что она столько близких потеряла во время войны, наверное, Господь решил, что у нее должен быть ребенок, затем – много внуков и, дай Небеса, правнуков.

Еще одно чудо в жизни Ларисы произошло, когда ее сына забрали в армию. В то время многих юношей отправляли в Афганистан, на войну. Едва его посадили в автобус, она, ужасно волнуясь, побежала в ближайшую церковь. Стоит, молится, плачет... К ней подходит местный батюшка, говорит:

– Из-за чего вы так переживаете?

Она сквозь слезы:

– Боюсь за сына! Забрали в армию, а я так хочу, чтобы он вернулся здоровым, целым.

Батюшка наклонил голову, спрашивает:

– Вы крещеная?

– Нет.

И в этот же день он окрестил ее. Через принятие Таинства Святого Крещения Лариса обрела новую силу и еще более прочную веру. После этого, окрыленная и утешенная, она с удвоенной силой начала молиться Богу, чтобы ее сын не попал на передовую и остался жив. Слишком уж много потерь было в ее жизни, чтобы она смогла пережить еще и эту. И действительно, все сложилось хорошо! Чуть позже Лариса получила от сына весточку, мол, жив-здоров, спокойно служит в Самаре.

Жизнь шла дальше: театр, съемки, заботы о сыне, потом о внуках... Но все эти годы Ларису Анатольевну не оставляла мысль найти могилу своего отца, погибшего в Ленинграде. Она пыталась как-то разузнать о нем, искала людей, которые могли что-то знать про это, часто

---

¹ Высоцкий В. Она была в Париже.

сама приходила на Пискаревское кладбище – ее мама думала, что муж Толя похоронен именно там, хотя точно, конечно, никто не знал. Но все было тщетно.

Несколько лет назад один петербургский телевизионный канал решил сделать о Ларисе Анатольевне документальный фильм, и в какой-то момент съемок они отвезли ее на Пискаревское кладбище. Оператор снимал, как она идет к Вечному огню и могиле Неизвестного солдата, которая олицетворяла для нее место упокоения отца, но вдруг ее заметила какая-то женщина. Видимо, она узнала известную актрису, так как направилась прямо к ней, подойдя же, радостно воскликнула:

– Лариса Анатольевна, как приятно вас видеть! А что вы снимаете?

Та объяснила и добавила:

– У меня папа похоронен здесь, но я не знаю, в какой из братских могил.

Женщина, оказавшаяся администратором этого мемориала, задумчиво спросила:

– Какой год?

– Сорок второй, февраль месяц.

– Смотрите, – сказала администратор, указывая вдаль, – вот Вечный огонь, а справа от него все захоронения января и февраля 1942 года.

Лариса только хотела повернуться в ту сторону, подняла глаза, смотрит – а над ней витает чайка. И не просто мимо пролетает, а кругами вьется над ней и покрикивает, словно зовет куда-то. Будто дождавшись ее взгляда, птица перестала кружить и полетела как раз в сторону братских могил. Актриса замерла на мгновение, подумала: «Лариса – это же “чайка” в переводе с греческого. И папа у меня – штурман дальнего плавания, тоже с водой связан. Неужели это он сам через птицу мне путь указывает?» И она как-то очень открыто, по-детски поверила, пошла за чайкой. Через некоторое время птица вдруг нырнула вниз камнем и опустилась на одну из братских могил. Лариса с трепетом приблизилась... Смотрит на табличку и глазам не верит: «Февраль 1942 года».

Все еще не в силах полностью осознать произошедшее, Лариса положила на могилу гвоздики, которые принесла с собой и еще раз взглянула на чайку. Та крикнула да взлетела, уносясь прочь, а на месте, где она сидела, остался живой цветок. Лариса поразились: ведь только-только сошел снег, едва появился чернозем, ничего нет, ни росточка, ни травинки – и вдруг цветок. Вот тут она уже не выдержала всех переживаний и таких чудесных событий и расплакалась. А вслух только и произнесла: «Наверное, папа мой здесь похоронен». Так они и закончили эту странную, необычную съемку.

А через три дня раздается звонок по телефону – снова та самая женщина-администратор. Говорит: «Нашли вашего папу. Он захоронен именно в этой братской могиле. Анатолий Иванович Лужин».

В этот момент нашей беседы Лариса Анатольевна подняла на меня глаза и сказала: «Я была поражена. Для меня это до сих пор остается чудом. Так что я верю в чудеса. Война – это горе, потому что я ни разу не произнесла слова “папа”. Мне очень хотелось бы обнять его, прижаться к нему, у меня такого не было, война отняла это у меня, я не почувствовала отцовской любви, я не помню папу. Меня иногда спрашивают на встречах: подскажите, а что дети ели в блокаду? А мне не хочется даже рассказывать, говорю: лучше, чтобы вы никогда этого не знали, не чувствовали и не пережили того, что пережили дети блокадного Ленинграда. Это страшно. Война, которая разрушает то, что создал Бог, а хочется, чтобы все было наоборот, чтобы люди объединялись, чтобы люди любили друг друга, чтобы по-доброму друг к другу относились». И единственное, что я смог на это ответить, – аминь, что означает «да будет так».

История Ларисы Анатольевны дала серьезную пищу для размышлений. Прежде всего о войне. Для меня война – это полное отсутствие Бога, полное отсутствие любви. Только милосердием Господним можно было выжить в тех нечеловеческих условиях, в каких в сороко-

вые годы оказалась маленькая Лара и еще миллионы людей в нашей стране. Слушая рассказ Ларисы, я вспоминал моего папу, который в девять лет стал узником концлагеря и чудом не погиб там, вернувшись весной 1945 года на Родину. А ведь в немецких концлагерях по официальным данным содержалось более пяти миллионов малолетних детей, и лишь каждый десятый остался в живых! Мой отец, деревенский смоленский мальчишка, выжил! Разве же это не Чудо?!

Господь наш Иисус Христос однажды сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». И недаром день победы в той великой войне пришелся на Светлую Пасхальную седмицу. Наша победа объединилась с победой Господа над смертью, над адом, потому что Он его упразднил и даровал нам жизнь вечную.

Ну и, конечно, птицы. Снова птицы. В который раз я встретился с историей, где одна из них стала надежной вестницей от Бога. Теперь я уже по себе знаю, что птицы могут дать тот знак, который ты ждешь от Господа, и такое случается отнюдь не редко. Вы же искали, молились – вот вам, пожалуйста, ответ. И главное теперь, не пропустить его в суете жизни, спрятавшись за скептицизмом или неверием.

Неслучайные дни

*Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые
Отец положил в Своей власти...
Деяния апостолов, 1:7*

Бывает так, что некоторые события в нашей жизни происходят в одни и те же дни или случаются другие интересные совпадения, связанные с числами. Например, мой старший сын появился на свет 1 февраля, а средний сын – 3 февраля, то есть через день (хотя, конечно, между их рождением прошло несколько лет), а впоследствии они уже сами стали папами, и их сыновья родились с той же разницей в два дня: 13 и 15 июля соответственно.

Как православный человек я, конечно, не верю ни в какую нумерологию и к таким вещам отношусь спокойно. Не нужно добавлять этому лишней таинственности или сакрализации, но нельзя не признать, что подобные события могут иметь «промыслительный» или символический характер.

Промысел Божий – обширное понятие, издревле изучаемое Церковью, святыми старцами и учеными мужами. Если очень кратко, его можно определить как замысел Божий, Его воля и забота о человеке. Нецерковные люди могут назвать это судьбой, но люди верующие понимают, что наша судьба – не воля слепого случая, она находится в руке Божьей. Господь знает, что и почему происходит в жизни каждого человека. Преподобный Макарий Оптинский писал: «Вера не в том только состоит, чтобы веровать, что есть Бог, но и во всепремудрый Его Промысл, управляющий тварями Своими и все на пользу устрояющий; времена и лета положены суть в Его власти».

Можно увидеть определенный промысел Божий и в применении к теме дат и чисел. Например, в описанной выше истории Ларисы Лужиной упоминалось, что в 1945 году день победы над фашистскими захватчиками пришелся как раз на пасхальную неделю. С формальной точки зрения это просто совпадение, но с духовной – совпадение «промыслительное».

Кроме того, существует библейский символизм в отношении некоторых чисел. Так, например, цифра 3 символизирует Божественное Троиединство и часто встречается даже в Ветхом Завете, задолго до времен Нового (открывшего миру не только Бога-Отца, но и Сына Божьего, и Святого Духа) провозвещающая троичность Божественной природы. Мы видим, что Ной три раза выпускает птицу из ковчега, чтобы она нашла сухую землю; три странника являются Аврааму, чтобы возвестить ему о скором рождении долгожданного сына; три дня и три ночи проводит пророк Иона в чреве кита, и таких примеров множество. В Новом Завете эта символика развивается еще больше: три волхва – восточных мудреца приходят к Святому Семейству, чтобы поздравить с рождением Спасителя, три искушения Господа в пустыне, три раза Петр отрекается от Христа, три раза является Господь Иисус ученикам после Своего воскресения... На иконах иногда можно увидеть не только трех святых вместе (Вера, Надежда, Любовь; Гурий, Самон и Авив; Василий, Григорий, Иоанн; Святая Троица), но и как один и тот же святой изображен трижды. Скажем, икона Преображения Господня по центру показывает Христа вместе с апостолами на горе, в то время как слева изображен их подъем на эту гору, а справа – спуск.

Не менее интересны и другие числа. Например, число 40 символизирует совершенную полноту, в том числе и полноту испытаний. Именно сорок дней продолжается великий Потоп, и сорок дней проводит Моисей на горе Синай в ожидании скрижалей с Божьими заповедями. Сорок лет еврейский народ блуждает по пустыне в поисках пристанища, и так же по сорок лет восседают на престоле два самых известных библейских царя – Давид и Соломон. Сорок

дней Господь Иисус Христос постится перед началом Своего служения и ровно столько же пребывает на земле по воскресении Своем, прежде чем вознестись.

Но лучше всегда помнить, что к подобным вещам нужен аккуратный подход. Да, Священное Писание использует символизм цифр, однако в отличие от нумерологии в нем нет никакого фанатизма и заикленности. Число – это в первую очередь просто число; человек не зависит от даты собственного рождения, расположения звезд или того, что чей-то телефонный номер случайно содержит в себе три шестерки. Господь наделил нас свободой выбора, мы сами вольны решать, как поступать и какими нам быть, и никакие цифры и планеты не могут определять нашу жизнь.

Разумеется, человек так устроен, что ему нужно на что-то опираться, понимать, что происходит вокруг. И если он видит, что раз за разом случаются какие-то совпадения, он может придать этому определенное значение, попытаться разобраться. Вопрос в том, отнесется ли он к подобному как неверующий, слепо цепляясь за любую циферку и буковку и придумывая несуществующие связи между вещами, или – как христианин, знающий, что есть Бог и что все события, случайные и неслучайные, происходят чрез Него. Бог «промышляет», действует в нашем мире, и если ты очищен Господом, стремишься приблизиться к Нему, то будешь видеть взаимопроникающие связи между разными жизненными ситуациями, явлениями и людьми.

Так что да, иногда всемогущий Господь может разговаривать с нами посредством «времен и лет» или символики цифр, однако главное, помнить, что Он – наша Судьба и ответ на все вопросы жизни.

У меня за долгие годы, конечно, тоже накопились примеры таких неслучайных случайных дней. Кроме вышеупомянутых совпадений в датах рождения сыновей и внуков, я заметил, что многие знаковые для меня вещи, и хорошие, и плохие, происходят тринадцатого числа.

С моей женой Светланой, которая родилась 13 сентября, мы познакомились также 13 сентября, и это события, безусловно, радостные. Однако были и грустные: не дожив до нашей с ней свадьбы буквально полтора месяца, 13 января умер ее дедушка, 13 декабря Светлана потеряла крестного отца, а буквально совсем недавно, 13 мая 2020 года, ушел из жизни ее папа.

Еще одна смерть и еще одна жизнь также связаны с числом тринадцать. Я часто и много упоминаю в разговорах и рассказах Владимира Рэна, нашего доброго друга и крестного Арсения (моего младшего сына). Родился он во Франции в семье русских эмигрантов первой волны – бизнесмен, путешественник, советник многих сильных мира сего и глубоко верующий человек. Наша семья познакомилась с ним в начале 90-х в доме у Леониды Георгиевны Романовой, вдовы великого князя Владимира Кирилловича, и он сразу обаял всех нас своей искренностью и добротой. Мы быстро и крепко сдружились, Володя стал наставником моему старшему сыну Антону, который очень любил его, а затем и крестным отцом для Арсения. У нас было много хороших встреч, совместных дел, радостных событий... Но к огромному нашему горю, 13 июля 2012 года Володя отошел к Господу.

Только на похоронах, когда заглянул в свидетельство о смерти, я узнал полное имя своего друга: Владимир Николая Андре. Во Франции есть традиция давать при рождении три имени в знак почтения к предкам и великим людям, чьими именами можно назвать новорожденного. Однако крещен наш друг был просто как Владимир, так его всегда в России и звали.

(Так случилось, что сорок дней со дня его смерти тоже пришлось на важную в нашей семье дату – 21 августа. Но о ней я расскажу позже.)

Проходит ровно семь лет, и 13 июля 2019 года в семье у Антона появляется мальчик, которого называют Николаем. Я очень удивился тогда, спрашиваю у сына:

– А ты знаешь, что второе имя Володи – Николай?

Тот вскидывает на меня широко открытые глаза:

– Нет, даже не подозревал.

– Надо же, – говорю я, – смотри, Володя спустя семь лет нам вот такой привет послал. И ведь, понимаете, ровно 13 июля...

Разве можно назвать такое случайностью, судьбой? Я, пожалуй, назову это промыслом Божиим.

Те же цифры, но в другом порядке запечатлелись в нашей семье еще пару раз. Моя сестра Елена родилась 31 декабря. Для нашей страны день сам по себе необычный – канун Нового года, все празднуют; и надо ж так умудриться, чтобы именно в этот момент появиться на свет. Но Елена на этом не остановилась, она еще и первого сына своего тоже 31 декабря родила – отпраздновала в роддоме и рождение ребенка, и рождение года.

Следующая дата, которая повторяется в моей жизни с завидной регулярностью – 22 ноября. Расскажу про пару моментов, связанных непосредственно со мной и Светланой.

22 ноября 1986 года мы с моей будущей женой расстались навсегда. Шаг этот был вынужденным, но, как мы тогда полагали, совершенно необходимым. Мои родители всегда хотели, чтобы я пошел по военной стезе, и, отслужив два года в погранвойсках, я как раз поступил в высшую школу КГБ. Намеревался защищать страну, стать разведчиком, а какая личная жизнь у разведчика? Надо о Родине думать в первую очередь! Так, по крайней мере, я считал. Со Светланой мы только познакомились и начали встречаться, очень друг другу понравились (во всяком случае, я так полагал и чувствовал), но... долг же зовет! И скрепя сердце она приняла мой выбор, сказала, мол, да, это важнее.

Удивительно, какими наивными были люди в те времена: Родина превыше всего, личное в сторону, все на благо своей страны. Такое у нас было воспитание, такие представления о жизни, такие идеалы. Я об этом абсолютно серьезно говорю даже сейчас и раньше был твердо в этом уверен.

В общем, 22 ноября мы со Светланой провели последний день вместе и по обоюдному согласию решили расстаться.

Выдержали друг без друга ровно сутки...

Ведь сильные чувства были не только в те времена, а всегда.

Через сутки я приехал и предложил ей выйти за меня замуж. Уже через три месяца (как положено было по закону) мы поженились, а через год у нас родился сынишка Антон. Когда же пришло время его крестить, мы, совершенно не сговариваясь, пришли в храм 22 ноября 1988 года и в этот день покрестили нашего первенца.

Мы создавали семью, шли маленькими шажками к Богу, думали и размышляли о нашем браке и о вере и наконец пришли к выводу, что хотим общего союза не только на земле, но и на Небесах, так что, когда Антону было примерно три с половиной года, приняли твердое решение обвенчаться. Нужно помнить, что жили мы еще в Советском Союзе, где вера и православие находились хоть и не в запрете, но и не в почете. Да, уже вовсю шла Перестройка, и многое из того, что раньше откровенно возбранялось, стало возможным, однако я по-прежнему учился в школе КГБ, и, поверьте, в то время мне было бы сложно объяснить моему «партийному» руководству, почему офицер госбезопасности идет в храм венчаться. Но, слава Богу, со священником обо всем договорился один мой товарищ, майор КГБ, кстати.

Венчались мы со Светланой в полуразрушенной церкви в районе Волоколамского шоссе почти на выезде из Москвы. И только уже стоя с ней перед алтарем, я вдруг понял, что сегодня 22 ноября. Именно в этот день пять лет назад мы расстались, казалось, навеки, и в этот же день теперь соединяем наши сердца и души перед Господом.

Были у нас и другие события, связанные с ноябрьской датой. Не так давно, 22 ноября 2017 года, ушел из жизни наш большой друг Дмитрий Хворостовский, и это была поистине тяжелая потеря. За свою жизнь он успел феноменально много. Его песни, его записи и альбомы, его поездки и гастроли и, самое главное, его невероятный голос, обладавший способностью

проникать в людские сердца и оставлять там глубокий след, – это огромный и совершенно неопенимый вклад в русскую культуру.

С Дмитрием я познакомился в пору расцвета его карьеры. Он много работал, выступал, записывал альбомы, но в это же самое время у него шел бракоразводный процесс с первой женой. Ситуация была не самая легкая для всех, в первую очередь с моральной стороны, плюс дело усугублялось еще и финансовыми вопросами. Как-то Дмитрий смог через это все пройти, а спустя некоторое время женился повторно. Во втором браке он был счастлив, жена оказалась ему верной соратницей и помощницей во всем, однако я не мог не видеть, что внутри у Димы идет постоянная борьба, душевная и духовная.

Путь, по которому он шел к Богу, нельзя назвать простым, это тернистая, заросшая сомнениями и колебаниями дорога, с расщелинами искушений и ямами неверия, куда Дима время от времени проваливался. Тем не менее он все-таки шел, неуклонно шел вперед.

Его не крестили при рождении, и в юности он был настроен к вере и религии довольно равнодушно. Но однажды певец летел на гастроли, и самолет вдруг резко начал терять высоту, стало понятно, что они могут разбиться. Дмитрий потом вспоминал, что все вокруг молились, а он даже не знал, кому молиться, и это привело его к мысли о том, что вера ему все-таки нужна; возможно, тогда впервые в жизни он произнес молитву сам. И дал себе обещание: если сейчас спасется, то обязательно покрестится. Бог услышал просьбы людей: самолет удержался в воздухе, совершил экстренную посадку, все выжили. И Дима сдержал слово, пошел в храм и крестился. Ему тогда было около тридцати лет.

После этого он весь погрузился в новую жизнь и в творчество. Его друзья и окружение были в основном атеистами, и Диме неоткуда было получать поддержку для слабого ростка его веры, поэтому в тот период жизни он редко вспоминал о Боге. Однако чем старше он становился, тем больше задумывался о «горне». Как-то раз мы с Дмитрием оба были в командировке в прекрасном старинном сибирском городе Тобольске: у меня работа, у него концерты. На следующий день после очередного его выступления я предложил ему поехать в монастырь, который находился недалеко под Тобольском в городе Абалак, и он согласился. В Абалакском монастыре мы провели целый день, Дима очень интересовался всем, спрашивал о чудотворных иконах, о пришедших паломниках, обо всей культуре православия и, конечно, о вере.

В его творчестве и раньше присутствовали духовные песнопения, даже вышло несколько альбомов с подобными записями, а незадолго до того, как Дмитрий узнал о своем неутешительном диагнозе, он как раз записал потрясающий сборник богослужебных песен и представил его на сцене Концертного зала имени П.И. Чайковского.

Когда я слышу разговоры о том, что, дескать, Дмитрий в каком-то интервью говорил, что не верит в Бога, или споры, разочаровался он в православии или не разочаровался, я отвечаю очень просто: «Послушайте его альбом с духовными песнопениями. Просто послушайте, и вы все поймете сами». Невозможно *так* спеть эти священные гимны, не имея Бога в душе. Это настолько проникновенное и глубокое исполнение молитв, что, когда Святейший Патриарх Кирилл послушал этот сборник, он не задумываясь наградил Дмитрия орденом Преподобного Сергия Радонежского – одной из высших наград в православной церкви. И вот что я вам скажу: неверующих людей, атеистов, не награждают такими наградами, более того, они не записывают таких сборников и никогда не смогут *так* исполнять молитвы!

Дима уходил тяжело, очень тяжело, не мог смириться с болезнью, не мог смириться с тем, что жизнь заканчивается, а он столько еще не сделал. В 2015-м, когда у Димы начались проблемы со здоровьем, он отправился по врачам. Те констатировали у него большую неоперабельную опухоль мозга и дали ему максимум полтора года. Это, конечно, был удар и шок. Но Дима – настоящий боец, он боролся, проходил через курсы химиотерапии, и после отмеренного ему докторами срока прожил еще полтора года, продолжая творить, выступать, верить.

Уже сильно болея, он не переставал совершать добрые дела, например, дал три благотворительных концерта в поддержку больных детей, и я рад, что смог поспособствовать ему в этом начинании. Деньги от его концерта 2016 года в Большом театре передали Русфонду, и около двухсот детей с онкологическими заболеваниями смогли получить медицинскую помощь. Только представьте, смертельно больной Дмитрий поет ради детей с похожими болезнями! Врачи лишь разводили руками и называли чудом то, что он с таким диагнозом вообще находит силы выступать.

Многие друзья Хворостовского считают, что одним из событий, сыгравших роковую роль в его жизни, было Димино решение спеть партию Демона в одноименной опере Антона Рубинштейна. Постановку делали совместно театр «Геликон» и Московская филармония, и Дмитрию предложили в ней ведущую роль. Он сомневался. Об этом впоследствии говорил и его аккомпаниатор, и другие близкие друзья (круг их был всегда довольно узок). Сомневался, но все-таки решился на этот шаг. Дима – человек творчества, и это был очередной творческий вызов, который ему захотелось принять. Арию Демона в свое время исполняли Федор Шаляпин и Георг Отс, как же не попробовать и ему?!

Мы с семьей присутствовали на премьере (она состоялась все в том же Концертном зале имени П.И. Чайковского), пришли поддержать Диму. Разумеется, как верующие люди, мы очень переживали за то, что происходит на сцене, но главное – в его душе. Интересно, кстати, что Дмитрий играл Демона... с крестом на груди. После премьеры, отвечая на вопросы журналистов, он сказал: «Несколько лет назад мы с Валерием Гергиевым попытались представить в концертном исполнении отдельные сцены, и не получилось – я жестоко заболел. В этом, казалось, проявилось некое предзнаменование, но меня это нисколько не испугало». Однако, скорее всего, именно поэтому на сей раз Дима не снимал креста во время выступления.

Да, такие странные, «мистические» вещи, с одной стороны, можно рассматривать как некое суеверие, но с другой – в Писании прямо сказано: «Не искушай Господа Бога твоего». И об этом же с завидной регулярностью говорят нам святые отцы Церкви. Все-таки человеку верующему нужно быть осторожным с тем, что представляется как минимум неуместным. А, согласитесь, подобная роль, причем в обеляющем этого персонажа контексте, не то чтобы уместна для христианина. Есть в этом некий вызов Создателю.

Как бы то ни было, зимой 2015 года Дмитрий спел эту партию, а уже в мае узнал, что у него опухоль головного мозга.

Дальше была борьба, были многие метания, была боль физическая и душевная и были добрые дела, которые Дима успел сделать перед своим уходом.

И вот еще одно странное совпадение. Летом 2014 года на сцене Концертного зала имени П.И. Чайковского Дима выступает с премьерой своего сборника богослужебных песен. Через полгода ровно в том же зале он поет «Демона». Проходит еще полтора года – и 24 ноября на этой же самой сцене стоит гроб с Дмитрием Александровичем. Все в одном и том же месте...

Он прожил светлую жизнь. Удивительную, полную падений и взлетов, сомнений и веры. Конечно, короткую, но, как я уже сказал, за эту короткую жизнь он сделал столько, сколько большинство людей не сделают и за тысячу лет. Мы молимся за него и храним о нем только самые теплые воспоминания.

Что ж, все мы в руках Божиих, нам остается лишь возносить молитвы об ушедших и об оставшихся. Как писал святитель Феофан Затворник: «Течение жизни сокрыто от нас, и случайности ее бывают так непонятны, что нам ничего не остается, как взывать: “Буди воля Твоя, Господи!” Ибо знаем, что от Господа идет всегда одно добро».

На этом удивительные даты в моей жизни не заканчиваются, и самая интересная из них, пожалуй, требует отдельного рассказа...

Двадцать первое августа

*Будешь ли переходить через воды, Я с тобою... пойдешь ли через
огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя.
Книга пророка Исаии, 43:2*

История, которую хочу рассказать, произошла со мной давным-давно, в юности. Но истоки ее возникли много раньше, и об этом нельзя не вспомнить...

Мой отец был крещен с детства, мама – нет. Отец прожил сложную жизнь. Родился в смоленской деревеньке, которую в первые месяцы Великой Отечественной немцы сожгли дотла и всех, кто уцелел, угнали в Германию, в лагерь. Так в девять лет мой папа стал узником «трудового» немецкого концлагеря под городом Франкфуртом. Более трех лет голода, унижений, побоев, каторжного труда и постоянной угрозы «расстрела на месте»... Чудом моя бабушка Акулина Даниловна и папа выжили и вернулись. Бабушка через несколько лет умерла, оставив отца сиротой. А он очень любил жизнь, держался, цеплялся за нее, карабкался вверх и никогда не сгибался. Старался сделать как можно больше, учился, работал, снова учился, а потом и нас, детей своих, учил. В церковь не ходил, но в сердце всегда Бога держал и любил.

Он рассказывал историю о том, при каких страшных обстоятельствах его крестили в суровые 30-е годы. Папу Алексея в детстве звали Лёнькой, и никто, никогда не учил его молиться, напротив, в школе постоянно твердили про это, как про нечто совершенно запретное и недопустимое. Он не знал ни одной молитвы и просто не понимал, как надо и можно просить кого-то невидимого и неведомого о чем-то конкретном. В деревне были старики и старухи, которые каждое воскресенье ни свет ни заря отправлялись в дальнее село, где чудом сохранилась церковь. Возвращались они оттуда только после обеда, но почему-то счастливыми, а не усталыми, и с какими-то светлыми добрыми лицами. Сам Лёнька лишь два раза был в церкви в районном городишке Угре, куда ездил в воскресенье с матерью на базар. Да и то украдкой. Заглянул, испугался и сбежал, чтобы в следующий раз так же прошмыгнуть внутрь, постоять, затаив дыхание, в торжественном полумраке сладкого ладанового дыма и удрать от странного и непонятного ему чувства, от которого хотелось взлететь ввысь и никогда не касаться земли. И в этом тоже была какая-то странная несуразность: он с мамкой тогда в воскресный день ехал на рынок, а старики шли в храм Божий.

Но одно Лёнька знал точно и очень твердо, хотя никому никогда не рассказывал, что его крестили в раннем детстве, практически сразу после рождения. Однако мамка боялась ему про это сказывать, а вот папка много раз говорил. А сделали так, потому что после рождения он страшно заболел. Совсем еще был крохой, но подхватил двустороннее воспаление легких. Лежал в забытии и помирал тихонько. Фельдшер только руками развел, когда наконец его дождались и он мальчика осмотрел:

– Ничего не смогу сделать. Слишком тяжелый случай, а пацан слишком мал. Единственное, что могу посоветовать, так это... покрестите его.

Затем он немного помедлил, потоптался на пороге, поморщился и понизив голос, наклонился к мрачному Лёнькиному отцу Павлу Степановичу, моему деду:

– И еще, Павлик, ты это... не говори никому, что я посоветовал крестить пацана. Я ж партийный... От крещения так оно хуже мальчонке не будет точно. А там, глядишь, авось и поможет.

Помогло. А потому Павел Степанович, рассказывая эту историю, добавлял, что у Лёньки есть ангел-хранитель, защищающий от всех бед. И он-то его после крещения и спас. Лёнька даже наглядно себе представлял этого ангела-хранителя: большой такой могучий дядька с

отцовским бородатым добрым лицом и ружьем в руках. За спиной огромные мощные крылья и обязательно кинжал за поясом, на котором еще и патронташ висит с полным боекомплектom. Вообще, ангелов Лёнька, как ни странно, в жизни видал. Пару глиняных крашенных милых ангелочков, которые стояли у соседки тетки Фроськи на буфете. Но они его абсолютно не впечатляли, так как были маленькие, пузатые, к тому же абсолютно голые. Вовсе не защитники и хранители, а какие-то несерьезные малыши-голыши, которые не смогли бы и от кошки уберечь. Потому и возник у Лёньки в голове другой образ ангела – в виде охотника-добытчика. А еще появился он в сознании мальчишки потому, что как-то раз он увидал картинку, на которой был изображен именно такой персонаж. Только тот вместо ружья держал в руках длинное копье. Но с копьем у них в лесу точно делать было нечего, а вот хороший дробовик вполне сгодился бы. Так что Лёнька решил перевооружить своего защитника, и теперь тот был ко всему готов.

Скорее всего, именно этот самый вооруженный двустволкой ангел-хранитель и спасал его уже несколько раз, как от той тяжелой болезни в младенчестве, так и в годы их с мамой злоключений. Иначе и невозможно объяснить, почему он выжил.

Мама родилась в Москве и не могла быть крещеной, потому как моя бабушка трудилась в Наркомпросе, а дед – и того страшнее, в иностранном отделе ОГПУ. Мама получила очень хорошее образование, преподавала политэкономия, философию и даже научный коммунизм. Вероятно, именно этот сложный предметно-педагогический опыт, помноженный на пытливость ума и величайшую склонность к анализу и изысканиям, заставили мою матушку стать настоящим исследователем. Со временем она все чаще стала приносить домой необычные для нашей среды книги, статьи о вере и православии. Сама их читала запоем, что-то пыталась пересказывать нам. В сорок восемь лет сознательно приняла крещение, в шестьдесят окончила Православный Свято-Тихоновский университет по специальности «богослов-катехизатор» и постриглась в монахини.

В семье нас было трое: у меня есть старшая сестра и младший брат. Все мы были некрещеными. В школе эти вопросы вообще не обсуждались, биология твердо стояла на позициях атеистического дарвинизма, а те немногие из одноклассников, кто был крещен, предпочитали об этом помалкивать. Помнится, именно в те безбожные времена активно распространялись различные псевдокульты, «тайные знания» и оккультные практики. Самыми безобидными из них были астрология и хиромантия.

С хиромантии, весьма опасного увлечения, которое захлестнуло тогда даже подростков старших классов, не минуя нашего, и началась эта история.

Сейчас дети заняты компьютерными играми, айфонами, смартфонами, айпадами, лаптопами и прочей коммуникационно-компьютерной технодрянью. Мы же росли без этих сомнительных благ цивилизации, хоть и за «железным занавесом», но со здоровыми психикой и цветом лица. Парни гоняли по улицам на великах и мопедах, а кто поменьше, играли в казаки-разбойники, индейцев и «захват немецкого шпиона». Заигрывались дотемна. Девочки прыгали в классики, вели дневники и заполняли всякие анкеты, чтобы узнать получше себя и друг друга... Росли, читали книжки, познавали мир, скорее хотели стать взрослыми. Нас тогда интересовало все – от страшилок, привезенных из пионерлагеря, до мистики и оккультизма.

Однажды девчонки из нашего класса начали из рук в руки передавать и перерисовывать на пергамент и кальку листки с изображением ладоней, черточками, стрелочками да подписями. Так до нас докатилась мода на предсказания судьбы по линиям на руках.

Где теория – там непременно требуется подтверждение практикой. А на ком проверять? Конечно, на одноклассниках! Мы и не сопротивлялись вовсе: забавно, интересно... Да и название соответствующее – хиромантия. Ничего, кроме глупого развлечения, мы в этом не видели и уж тем более не понимали, насколько небезопасны такие игры... Наши девчонки хватали в классе всех и каждого за руку и говорили: «Давай посмотрим, где у тебя линия любви, где у тебя линия жизни, где у тебя линия судьбы...»

Помню, когда я первый раз дал свою руку однокласснице, она посмотрела и удивилась: «Ой, как интересно! У тебя линия жизни прерывается. Примерно, в двадцать два года. А дальше как-то странно: то ли продолжается, то ли нет. Непонятно». Ну, посмеялись и разошлись. Я тогда не придал этому значения.

Увлечение хиромантией было тотальным, интересовались все, даже взрослые. У нас дома часто собирались большие компании, тоже обсуждали и практиковали всякие «модности». И вот в какой-то из вечеров некая женщина с претензией на особое понимание этой магии посмотрела на мою руку и говорит:

– Послушай, у тебя очень странная картина – линия жизни обрывается в двадцать два года. Но потом вроде продолжается... Необычная линия.

– Видите, здесь даже ваши знания бессильны.

– Много ты понимаешь! Это наука древняя, еще фараонам гадали и предсказывали судьбу тысячи лет назад.

– Да я ж не фараон! И про будущее лучше у Беляева или Герберта Уэллса поинтересоваться!

– Ты просто еще слишком мал и ничего не смыслишь во взрослых делах. Вот неслучайно гадать детям и подросткам по руке вообще не рекомендуется.

– Так и не надо! – пожал я плечами и забыл про этот случай. Почти совсем забыл...

А вскоре я окончил школу и отправился служить в армию. Все шло своим чередом. Служил на границе. Там, конечно, тоже сплошное строительство коммунизма, гвардейцы пятилетки, кодекс строителя коммунизма и прочая идеологическая обработка... Про Бога никто и не заикался. Хотя у некоторых ребят из Вологодской области и с Украины я заметил нателные крестики, но они их тщательно прятали. За такое могли серьезно «проработать». Ведь пограничные войска – суперидеологизированные, относились к КГБ СССР. Но никто не донес, да и сами ребята никаких бесед на эту тему ни с кем не вели.

Отслужил я и поступил учиться. Мне тогда уже двадцать первый год пошел. Встретил свою будущую жену Светлану. Это была удивительная встреча, изменившая всю мою жизнь, и о ней надо отдельно подробно рассказывать, чтобы яснее показать, как Господь тонко и прочно кружева нашей жизни создавал. Мы расписались.

Бабушка Светланы, Анна Герасимовна, царствие ей небесное, в малолетстве внучку окрестила и тем сразу предопределила и путь, и защиту для нее. У Светланы моей всегда было особое отношение к вере, хотя росла она в обычной советской семье. Отец – профсоюзный работник, мама – исполкомовский. А она всей душой к Богу тянулась: со студенческих лет, как поступила в институт, стала часто в храм заглядывать, просить о помощи Господа. Она жила в Сокольниках, там есть красивый старинный храм Воскресения Христова. В храм Светлана перед каждым экзаменом заходила, по-своему молилась, ставила свечки и шла в институт. И про посещения храма, не стесняясь, мне рассказывала, когда мы стали жить одной семьей...

А я все нехристом был и только-только начинал потихоньку-помаленьку на эту тему задумываться. Для меня необычно все это было, но интересно, притягивало. Я с огромным уважением к вере относился, к тому же и мама моя примерно в это же время стала искать свой путь к Богу и решение креститься приняла.

Мы со Светланой жили вместе уже больше года, но я все не мог самый важный шаг сделать: не понимал, с какой стороны к крещению подойти. А просветить, подсказать, помочь было некому.

Тут еще забот, хотя и приятных, прибавилось – ребенок родился у нас, первенец, сын Антон. Радость неимоверная, но и хлопот для молодой студенческой семьи предостаточно. Между семинарами, лекциями, зачетами и коллоквиумами – еще экзамены по стирке пеленок и подгузников сдавать приходилось. Помимо материальных вопросов, скоро возник и еще один, морально-нравственный: «Хорошо бы, конечно, малыша покрестить!»

Поначалу с опаской и осторожностью родственники нас об этом спрашивали, а потом уже и прямо убеждали: «Надо, надо! Хуже не будет!»

А я-то не возражал. И хотя умом не понимал, но чувствовал, что малышу это необходимо. И Светлана радовалась.

Выбрали храм Илии Пророка в Черкизове, он находился по соседству с нашим домом. Второй священник, отец Георгий, молодой еще батюшка, нашего Антошу и покрестил. А до начала таинства с нами беседовал, меня спрашивал:

– Матушка крещеная?

– Да.

– А вы?

– Я – нет.

– Ну как же так? Ребенок раньше вас будет крещен? Надо подумать. Хорошенько подумать, Павел...

Вот тогда я уж серьезно задумался. И впрямь неудобно выходит: жена и ребенок, мои самые близкие люди, – крещенные православные христиане, а я какой-то «нехристь партийный». Антона крестили в самом конце ноября, двадцать второго числа (опять совпадение!), но морозы уже стояли очень крепкие, помню, холодно очень было. Только на крестинах я не был: батюшка строго наказал приходить в следующий раз, чтобы самому креститься. Разговор тот я запомнил, да уже и сам был готов.

Вспоминаю себя в то время: учусь на отлично, семью завел, сына родил. И все хорошо в жизни знаю, в двадцать один-то год. Ведь в двадцать лет вроде все о жизни знаешь и только потом, взрослея, начинаешь сомневаться и раздумывать...

Мама моя в то время уже воцерковилась. Мы жили отдельно, общались нечасто, но изредка она все же делилась своими переживаниями. Рассказывала разные истории, от людей слышанные. О том, как, веруя в Бога, человек спасся, а то и наоборот – от безверия сгинул. Интересно, захватывает, а порой и жутковато становится.

В детстве я жил в Зеленограде. Там храмов не было. Новый современный город, бурно растущий, был создан для молодых людей, работающих в электронной промышленности. Разве думали его создатели о Боге и «культовых учреждениях»? По тем временам отдавали предпочтение кинотеатрам да домам культуры, а не дому Божьему. Но один храм все же на окраине Зеленограда сохранился, единственный старый храм. Находился он меж двух деревень – Матушкино и Савелково, в районе деревни Ржавки. Большой, красивый, хотя и разоренный во времена мракобесия и гонений на православную церковь.

Мы с мальчишками в храм втихаря проникали, и там нас всегда окутывало какое-то мистическое чувство. Забирались в полуразрушенный храм через окно – двери-то заколочены. Внутри полумрак, какие-то станки с военных времен, на стенах и потолке обвалившиеся и затертые фрески, старославянские буквы проглядывают. Завораживает... А под полом храма подвалы были большие, так туда совсем страшно было заходить. Мы очень боялись, но бродили по церкви с фонариком, и в душе возникало некое особенное чувство – необъяснимый трепет, что ли. Мне до сих пор этот храм часто снится. Разоренный, разрушенный, но неубитый храм Божий, таких храмов еще огромное количество по всей России. Этот храм – мои первые детские ощущения от церкви. Слава Богу, его восстановили, и мама туда часто ходила на службы. А спустя сорок лет в этом храме отпевали моего отца и похоронили неподалеку.

Моя любимая жена уже не только перед экзаменами ходила в церковь, но и малыша Антошу носила причастить. Я слушал мамины рассказы и сам начал задумываться о том, как мне покреститься. Не понимал еще, что это главное в жизни. По-своему рассуждал: как, в какое время удобнее... Вроде бы и хорошо, что шел к Господу, но пока мысли были чересчур рациональные. А в этом деле надо не холодный разум включать, а по зову души мчаться бегом,

пока можешь, пока Господь тебя зовет, принимает и приободряет. Но и то уже хорошо, что я был на этом пути.

В то время мы жили с родителями моей жены. Никто нам материально не помогал. Теща молодая и активная – тридцать девять лет! Работала в исполкоме с утра до вечера, бабушкой отказывалась себя называть. Я крутился как мог: учился и на четырех работах подрабатывал, чтобы семью содержать, сына растить. Светлана тоже вязала, шила, за любую подработку бралась. Сами, слава Богу, себя содержали.

На летних студенческих каникулах времени побольше было. Ездили на дачу. Огурцы, помидоры, кабачки выращивали, делали запасы на зиму. Время все-таки очень тяжелое было – восемьдесят восьмой год. Мыло, масло, тушенка – по талонам. Приходилось за грибами ходить, чтобы просто себе обед и ужин приготовить. Хорошо, что отец тогда ульи с пчелами держал. Можно было рамку меда взять, чаю сладкого попить, потому что сахар-то тоже был по талонам.

Планировали мы со Светланой тем летом, что вернемся двадцатого августа в Москву. Покрестят меня, а двадцать третьего августа поедem к моим родителям. Младшему брату аккурat в этот день тринадцать лет исполнялось. Сестра старше меня на семь лет, она с юности со мной нянчилась, помогала растить и учиться. А младший брат Алексей моложе меня на девять лет. Его, можно сказать, я вырастил. Родители работали, а я с ним занимался с грудного возраста. С пяти месяцев его уже со мной оставляли. До армии воспитывал, учил, защищал. Он от меня не отходил, потому что я ему был и папа, и мама, и все на свете. Так что обязательно мы должны были к нему на день рождения приехать.

Несмотря на все учебные и бытовые трудности, мы были очень счастливы. Еще бы: родился ребенок, мальчик, в большой нашей семье – первый внук у тещи. У моих-то родителей уже были внуки, у старшей сестры росли двое детей.

Я был настолько счастлив, что решил как можно больше картинок из нашей жизни и детства Антошки запечатлеть на фото и сохранить. Как только сын появился на свет, с первого дня, я постоянно фотографировал. Был у нас старенький фотоаппарат «Смена» за двадцать пять рублей. Я накопил пленки и сделал триста с лишним фотографий, снимал, как сын растет: дома, в бассейне, на прогулке, на даче...

Помните ли вы, друзья, как раньше проявляли и печатали снимки? В ванной, в специальном бачке, в полной темноте крутили пленку, потом сушили, потом те, кто мог себе позволить такую роскошь, как персональный фотоувеличитель, закрывались в той же ванной, и начинался волшебный процесс создания семейного фотоальбома. У многих был советский фотоувеличитель «Смена». Ну а любители, которые особо ценили искусство фотографии, разорялись на польский «Крокус» за сто рублей. Это была мечта не только каждого фотолюбителя, но и знающего профессионала. Большой, мощный, с несколькими рядами линз и объективов. Отличное увеличение, хорошее разрешение... Мой отец когда-то на полученную премию купил такой «Крокус», и он занял почетное место на шкафу. Возвышался там высокомерной серой громадиной, закрытой чехлом, важный, как ракета перед запуском. Под него и в ванной было место приспособлено. Изредка папа разрешал мне им пользоваться. И тогда в отдельно взятой советской ванной комнате возникала целая домашняя фотолаборатория. Тесно, душно, но под красным фонарем и с волшебным увеличителем ты сам творишь чудо истории в лицах и картинках. Освещаешь, отмеряешь, отсчитываешь, проявляешь, промываешь листы фотобумаги, а потом сушишь снимки на прищепках. Большую часть ванной комнаты занимала, естественно, чугунная чаша ванны, расположенная вдоль стены. Слева от нее – раковина. Маленький, размером 60×100 сантиметров кафельный пятачок холодного пола между ними. Превращаясь в мини-фотолабораторию, чугунная ванна накрывалась двумя специальными деревянными щитами с брусочками, чтобы они не соскользнули. На щиты ставился увеличитель с предметной доской. Слева от него – две ванночки с проявителем и фиксажем, то есть закрепителем. В раковину из крана пускалась проточная вода (счетчиков тогда еще не придумали, оплату за литры не брали)

для промывки проявленных снимков перед отправкой в ванночку с фиксажем. Устанавливался таймер для точного отсчета времени экспозиции изображения на фотобумагу и для проявки. Самым важным после увеличителя, конечно, был красный фонарь, без которого невозможно представить ни одну фотолабораторию в то время.

В общем, ты находился в плотном окружении техники. Кое-как уместившись на оставшемся свободном островке, ты должен был вставить пленку, навести изображение на фотобумагу, выбрать требуемый масштаб и размер изображения, включить таймер, закрыть объектив, подхватить пинцетом облученный лист, положить в проявитель, снова посчитать, промыть под струей воды, отправить его в закрепитель, а потом опять бросить ополаскиваться под водой...

Одному – сложно, вдвоем – тесновато. Но с любимой женой – одно удовольствие. Вот я и пригласил в помощницы Светлану, объяснив весь нехитрый алгоритм действий. Я печатаю, она проявляет и промывает...

Но прежде чем рассказать о незабываемом и, возможно, самом чудесном спасении моей жизни, расскажу об одном событии, предшествующем этому, событию, которое стало для нас знаковым и особенным, предопределившим дальнейшую жизнь. Спустя годы оно видится особенно отчетливо и ярко.

Вернувшись после дачных каникул в Москву двадцатого августа, мы договорились с батюшкой Георгием привести меня в достойное состояние православного крещеного христианина. Двадцать первого августа, в воскресенье, после литургии в храме Илии Пророка в Черкизове отец Георгий, который пять месяцев назад крестил моего старшего сына, покрестил и меня. Удивительное светлое ощущение легкости и радостной приподнятости навсегда осталось в памяти от этого таинства. Жизнь вокруг вроде бы не изменилась. Кажется, что все по-прежнему: лето, солнце... А в душе иной, особенный свет зажегся. И так важно его сохранить: сберечь, не растерять.

Отпраздновали дома, в узком кругу. Тесть, даже не зная, что его слова станут пророческими, пошутил:

– Со вторым рождением тебя, Павел!

Утром мы поехали в Зеленоград и уже к полудню были у моих родителей. Светлана разобрала вещи, покормила Антошку и стала укладывать малыша, чтобы он днем поспал. Я же тем временем превращал ванную в фотолабораторию, чтобы к вечеру моей большой семье новые фотографии для обсуждения предоставить. Все провода от приборов и ламп собрал в один пучок, воткнул в удлинитель и провод удлинителя из-под двери выпустил наружу, в коридор. В те времена электрические розетки в ванных комнатах не ставили из соображений безопасности. Я вставил удлинитель в наружную розетку между выключателями на дверном косяке, проверил и стал ждать, когда жена уложит малыша и придет ко мне, ведь она попросила: «Без меня не печатай, пожалуйста! Я хочу с тобой вместе».

Моя мама тем временем решила сходить в магазин, хотела к завтрашнему праздничному столу что-то купить. Собирается, приговаривает: «Ой, надо и на ужин что-то собрать, и на завтра купить вкусенького...»

Я говорю:

– Мам, ты только недолго. Антона Светлана уложила, он часа полтора проспит. А мы пока будем печатать фотографии. Ты возвращайся, нас с малышом подстрахуй, если что.

А мой младший брат Алексей и отец в тот день с дачи должны были вернуться только к вечеру. Они грядками да дровами перед грядущей осенью занимались.

А мама все суетится, мельтешит, но никак в магазин не уходит.

Я снова ее поторапливаю:

– Мама, иди уже скорее. А то сейчас ты ненароком дверь откроешь и засветишь пленку, или Антошка раньше времени проснется...

Мама, как задумается, может и дверь в «фотолабораторию» распахнуть. Так уже было...

Нет, все равно не уходит. Я настаиваю:

– Мам, вдруг ты случайно засветишь снимки. Мне все переделывать придется.

– Да-да-да, сынок, сейчас я уйду... – И продолжает собираться.

В нашей советской ванной вдвоем было не повернуться, я себе поставил стул, а Светлане рядом табуреточку. Светлана уселась бочком, да еще и за меня придерживалась. Но нам было хорошо, даже интересно и загадочно: красный свет, мы воскрешаем застывшие моменты нашей жизни. Романтика!

Я приборы включил, все работает. Красный фонарь светится, увеличитель греется, таймер шелкает. Усаживаемся теснее, закрываемся изнутри на защелку, чтобы мама ненароком дверь не открыла. Я сижу на своем деревянном стуле: по бокам подлокотники, спинка удобная, но упирается в стену – маленькая же ванная! Коленями утыкаюсь в чугун ванны. Начинаем. Печатаю первый снимок, второй... Смотрим, выбираем, какие лучше. В основном это дачные фото – природа, цветы, Антон улыбается, мы на снимках счастливые... Любуемся. А я краешком уха слышу, что мама за дверью в коридоре все возится, чем-то шуршит... Полчаса прошло, она никак не уйдет.

Я через закрытую дверь снова ее подгоняю:

– Мама, иди же, наконец! Антон скоро проснется. Иди. Мы не успеем все напечатать. Ты мешаешь!

– Да-да-да. Сейчас уйду... Сейчас уйду... – Но продолжает свои сборы...

Нужно один технический момент объяснить. Увеличитель «Крокус» не только престижный и дорогой, но еще и тяжелый, килограммов двадцать весит. Крепится на железной вертикальной штанге, двигается по ней, корпус у него тоже из металла.

Я погрузился в фотопроект, даже маму уже не слышал. Выбрал удачный ракурс, встал на стуле, навел увеличитель и вдруг чувствую – он меня щиплет. Резко и неприятно – током. Я отдернул машинально руку, подумал, что показалось. Сажусь, снова протягиваю правую руку теперь уже вверх к увеличителю, и... моя рука вмиг к нему прилипает! Мало того, что рука припаялась, так и нога левая, которой я касался чугунной ванны, тоже прилипла. Вот это ловушка! Я прилип правой рукой к фазе, причем всего-то тремя пальцами. А левой ногой к голому чугуну – к краю ванны, которая была не покрыта эмалью. Фаза вышла на корпус увеличителя, как оказалось потом, из-за поврежденного провода, где основная лампочка. И патрон лампочки был поврежден. Я замкнул собой новую электрическую цепь! Через меня пошел переменный ток, причем такой силы, что я не только крикнуть, пошевелиться не мог. Меня подчинила себе невероятная сила. Ощущение, что попал под каток, который просто закатывает тебя. Скручивает, скручивает, скручивает... Сильнее и сильнее. Я пытаюсь сопротивляться, из последних сил стараюсь оторвать руку от увеличителя, а она не отлипает!

Забегая вперед, скажу, что стальная штанга увеличителя, диаметром два сантиметра, согнулась в дугу, как детский лук, – с такой силой я стремился вырваться из лап смерти. Но штанга лишьгнулась и не отпускала, позади мешала спинка стула, да подпирала стенка ванной. А моя левая нога к чугунной чаше прилипает все плотнее. И бегут веселые вольты с амперами через меня по кратчайшему пути: от пальцев правой руки к левому бедру, прожигают себе ход в моем теле и скручивают все плотнее в трубочку. Дыхания нет, сердце останавливается, сознание мутнеет. Не оторваться никак... Короткими вспышками мелькают перед глазами фрагменты событий: прошлая жизнь... закрытая защелка на двери ванной... провода, находящиеся снаружи... ребенок, спящий в комнатке... мама, ушедшая в магазин...

Светлана, увидев, что со мной происходит, вскрикнула и схватила меня за руку, чтобы помочь. И... тоже прилипла! Я вижу, что и ее бьет током... Промелькнуло в голове: «Ну, все! Да, я пропал, а она-то за что? Господи, если мы сразу вдвоем уйдем, что же с нашим сыном будет?! Еще пара секунд, и сознание покинет навсегда...» Яркой вспышкой последняя страшная мысль, словно чужим голосом вслух произнесенная: «Все! Это конец!»

Я потом много литературы прочитал на тему поражения человека электрическим током. Узнал о первой помощи и механизме воздействия тока на живой организм. Ничего утешительного, находил все новые и новые подтверждения фатальности той ситуации. Это действительно был конец, потому что если через вас пошел электрический ток, то нет никаких шансов вырваться самостоятельно. Потом мне говорили опытные знающие люди, что мне еще повезло – я прилип правой рукой, а не левой. Через левую руку ток кратчайшим путем неизбежно прошел бы через сердце. Удар током опасен тем, что наступает паралич всех мышц, поэтому через минуту-полторы, пока человек не дышит и сердце не стучит, начинает отмирать мозг. С отмиранием мозга возникают необратимые последствия. Через несколько минут человек погибает.

В тот роковой момент я всего этого не знал...

Как только полыхнуло в моем уходящем сознании слово «конец!», словно по волшебству отключилось электричество. Это был не волшебник и даже не ангел-хранитель, а моя мама. Как выяснилось, она в магазин так и не ушла.

Услышав крик Светланы, мама не поняла, что у нас случилось. Но не стала стучать, дознаваться: «Что там у вас, ребята? Все в порядке? Что произошло?!» Она моментально вырвала весь пучок проводов из розетки. Одним махом!

До сих пор мама не может объяснить две вещи: почему так долго не могла уйти в магазин и почему первым делом так резко выдернула провода. Ведь ни спасателем, ни электриком она никогда не работала...

В тот же момент я рухнул набок, а увеличитель завалился на меня сверху. Дышать не могу, говорить тоже, только хриплю и корчусь. Светлана открыла защелку. Я вывалился наружу. Мама смотрела на нас в ужасе...

Я пополз по коридору на балкон за воздухом, стоял на карачках, пытался отдышаться. Вернулось сознание, с ним – боль. Светлана тряслась от пережитого и маме пыталась объяснить, что произошло. На мне были тонкие тренировочные штаны. Смотрю, на трениках дырка сантиметров двадцать и шрам на ноге – обожженное черное мясо... В том месте, которым я прижался к чугуну. И на пальцах белые точки, кожа вытянулась трубочками по полсантиметра, оттого что я пытался оторвать руку и не мог. Эти белые пятнышки у меня на всю жизнь остались.

Я задумался, почему это со мной произошло? И вдруг понял, что мне через две недели исполнится двадцать два года. Двадцать два! И произошел этот случай двадцать второго августа. Я вспомнил давние предсказания по линиям руки, в которые я никогда не верил...²

Я и теперь этому предсказанию не верю. Скорее, уповаю на чудесное спасение. Накануне я принял таинство крещения. А на следующий день, двадцать второго августа, ангел-хранитель просто мне помог. Не хочу даже представлять, что произошло бы со мной в том случае, если бы я не крестился, – сослагательного наклонения здесь быть не может, ибо Господь невидимо,

---

² Ложь и подвох хиромантии и прочих оккультных практик заключаются в том, что они уведут человека в сторону от главного – решения вопроса о смысле жизни. Каждого из нас Господь приводит из небытия в бытие, ставя определенную цель в жизни, наделяя всем необходимым для ее достижения, то есть разумом, свободной волей и способностью молиться, постигать высший мир. Но день смерти не открывает, призывая быть готовым к встрече с Ним каждую минуту. Поэтому вопрос знания или незнания дня смерти принципиально ничего не решает, важно для человека осознать, что это точно произойдет, и устремить каждое мгновение своей жизни к цели – соединению с Богом. Происходить же это может только по правилам, установленным Богом, что вполне логично, учитывая то, что Он источник бытия. Но человек, наделенный свободой, способен не подчиняться законам Бога и устанавливать свои собственные, желая утвердить свою жизнь самостоятельно без Него (в этом, кстати, суть грехопадения прародителей). Хиромантия и оккультизм – это попытки узнавать о реальности так, чтобы жить самостоятельно, без доверия к Богу, которое, в свою очередь, является необходимым условием соединения с Ним, а значит, и осуществления цели бытия человека. Возникает вопрос, откуда знание, если не от Бога и не из самого человека? Логика заставляет предположить участие в этом процессе сверхъестественных сил, превышающих по своим способностям силы человека, но противостоящих Богу. Кто это может быть? Дьявол и его приспешники, включающиеся для того, чтобы человека окончательно увести от Бога.

но настойчиво подвел меня к этому событию. И хорошенько подготовил меня и моих близких. Господь меня спас! Наверное, пожалел моего сына, пожалел моих жену и маму. Но для чего-то он меня сохранил? Ведь шансов-то не было. Ни единого! Но Господь не мог не услышать мольбу гибнущих людей. Услышал, увидел, пожалел, помиловал...

Так что обугленный шрам на ноге – это не страшно, это ерунда. И что удивительно – сейчас от ожога не осталось и следа. Его нет, исчез.

А наш шестимесячный сын крепко спал. Даже когда мы уже отдышались, привели себя в порядок, он так и не проснулся. Мама наконец-то отправилась в магазин. На следующий день мы отпраздновали день рождения моего брата. И наше со Светланой второе рождение...

Но главное событие, подтвердившее наше чудесное спасение, ждало нас еще впереди. Именно 21 августа, в день моего крещения во Христа, спустя двадцать один год Он послал нам долгожданного сыночка Арсения! И это – настоящее Чудо!

Двадцать первое августа. Истории продолжаютcя

*Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость
Его.
Псалтирь, 32:18*

История рождения моего сына Арсения, упомянутая в конце предыдущего рассказа, стоит того, чтобы изложить ее чуть подробнее. А начинается она задолго до самого этого события и опосредованно, но более чем «промыслительно», связана со Святейшим Патриархом Алексием Вторым и, конечно, с двадцать первым августа...

Утром 21 августа 1963 года из аэропорта Таллина вылетел самолет Ту-124, направлявшийся в Москву. На борту, помимо экипажа, находилось сорок четыре человека, и одним из пассажиров был епископ Таллинский Алексей Ридигер, будущий Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй.

Во время взлета носовую стойку шасси заклинило, и она не до конца ушла в свою нишу. Даже тем, кто не имеет отношение к авиации, понятно, что ситуация сложнейшая, чтобы не сказать катастрофическая. Как машина сможет приземлиться с полуубранным шасси? Командиру борта поступило указание возвращаться в Таллин, но будто на грех в районе аэропорта сгустился туман и сесть стало попросту невозможно. Тогда самолет переориентировали на Ленинград и аэропорт Шоссейная (который впоследствии переименуют в Пулково); там можно было сесть на грунтовую полосу.

По пути до северной столицы члены экипажа пытались устранить поломку. Они пробили фюзеляж и с помощью шеста подталкивали опору шасси, чтобы она встала в правильное положение, но все усилия оказались тщетны. Подлетев к городу, Ту-124 начал кружить над ним, вырабатывая топливо, и, когда уже почти вся горючка была израсходована, вдруг заглох один двигатель, а за ним и второй.

Всё, до аэропорта не дотянуть! Самолет может рухнуть в любую минуту. Что делать? Садиться прямо посреди жилых домов? Или использовать единственный шанс и попробовать опуститься на Неву?

До этого дня в мировой авиации был зафиксирован лишь один случай удачного приводнения пассажирского самолета. В 1956 году американский «Боинг» благополучно сел на поверхность Тихого океана, и все жизни на борту оказались спасены; остальные же происшествия такого рода заканчивались самым печальным образом. Но делать было нечего, и от диспетчеров Шоссейной, тоже действовавших в авральных условиях, немедленно пришло согласие на водную посадку. Теперь все находилось в руках Бога и летчиков.

Я более чем уверен, что епископ Ридигер в этот момент всем сердцем молился Господу и пресвятой Божией Матери о милости и спасении душ человеческих, потому что сохранить людей могло только чудо.

Постепенно снижаясь, лайнер пролетел над мостами Невы – со строящегося тогда моста Александра Невского рабочие прыгали прямо в воду, настолько низко шел самолет. Впереди показался следующий мост, железнодорожный, садиться нужно было немедленно! Но прямо по курсу – речной буксир... Ту-124 пронесся над ним буквально в нескольких метрах, сначала хвостом, а потом уже и всей плоскостью коснулся воды и через какое-то время наконец остановился.

Спасены! Все до единого. Ни у кого даже ни царапины.

Команда того самого буксира тут же поспешила на помощь и приняла людей на борт. Надо сказать, и экипаж, и пассажиры все это время вели себя спокойно и мужественно. Навер-

ное, настоящее понимание и шок наступили уже на берегу, когда стало до конца понятно, что произошло и от какой беды уберег их Господь. Случайные свидетели, наблюдавшие чудесную посадку, приветствовали спасшихся радостными возгласами и рукоплесканиями.

Ювелирная работа летчиков достойна восхищения. Но я думаю, что, если бы мы могли видеть духовный мир, возможно, заметили бы и ангелов Господних, на своих руках пронесших самолет по Неве. К слову, приводнение Ту-124 случилось напротив часовни иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». А рядом захоронена блаженная Матрона Босоножка, петербургская подвижница XIX века – после произошедшего 21 августа 1963 года люди стали ходить к ее могиле, чтобы помолиться о благополучных полетах.

Так, чудом Божиим, будущий патриарх спасся от гибели. Его жизнь, патриаршее служение и многие благие дела, которые он затем совершал, исполняя волю Божию, привели Русскую православную церковь к возрождению и вдохнули в нее новые силы. А спустя много-много лет уже к его могиле потянулись люди со своими молитвами и просьбами. В Богоявленском Елоховском соборе сохраняют записи о чудесах, исполненных молитвах, пожеланиях, которые были обращены к Святейшему Патриарху.

В день похорон Алексея Второго, 9 декабря 2008 года, в храме Христа Спасителя стояла огромная очередь, все хотели проститься с патриархом. Мы со Светланой были знакомы с ним и очень переживали его уход, поэтому, разумеется, тоже пошли в храм. Мой знакомый, ректор православной гимназии Зураб Михайлович Чавчавадзе, напутствуя нас, сказал:

– Вы, когда будете прощаться со святейшим, попросите его о чем-нибудь очень для вас важном. Он же сейчас предстанет перед Богом. Попросите обязательно...

Светлана кивнула и подошла к гробу. Встала на колени, заплакала, я видел, как трясется у нее плечи и текут по щекам слезы. Поднялась, постояла, гроб поцеловала, отошла. Я не спрашивал, о чем она просила, посчитал не деликатным.

Через месяц после этих похорон, в начале января, Светлана мне сказала, что ей надо сходить к врачу. И врач ее обрадовал: «Вы беременны». Мы даже не поверили сразу. Не может быть!

Доктор предупредил нас, что дальше нужно обязательно наблюдаться, потому что перед этим у Светланы была трагическая беременность и она входила в зону риска. Мы так и сделали. Переживали, конечно, сильно, но, слава Господу, 21 августа 2009 года родился наш младший сын Арсений.

На основании УЗИ, всех замеров, графиков, таблиц, сравнений, где рассчитаны все допустимые нормы, отклонения и превышения, врач сделал вывод, что ребенок был зачат 10 декабря. И вот тогда потрясенная Светлана призналась мне: в день прощания с патриархом Алексием Вторым она попросила только одного – ребеночка.

Но на этом история не заканчивается. У Арсения, как положено, есть крестная мама, а у нее, в свою очередь, – невестка Катя, которая в какой-то момент сказала нам, что очень хочет ребенка, но почему-то у них с мужем никак не получается. Светлана, вдохновленная недавно произошедшим чудом, посоветовала ей:

– Катя, нужно молиться святейшему Алексею Второму. У меня такая история в жизни была – я помолилась, попросила. И сбылось. Надо попросить, и он тебе даст ребеночка. Я за тебя тоже помолюсь.

Проходит время. Арсению 21 августа исполняется годик, мы празднуем его день рождения. Беременная Катя с уже большим животом находится вместе с нами за столом, и вдруг у нее начинаются роды. Тот же самый доктор, который принимал роды у моей жены, сидит здесь же, рядом с Катей, он тут же хватает ее и везет в клинику. Там она благополучно разрешается от бремени.

И после этого случая было еще с десяток подобных историй! Подруги жаловались Светлане, что не могут забеременеть, и всем она говорила одно и то же: «Молитесь Святейшему Патриарху Алексию Второму, как молилась я, и он обязательно пошлет ребенка». А потом, как по заказу, у них рождались дети, причем все в промежутке с 20 по 24 августа. И если прикинуть вероятные даты зачатия, получается, что они крутятся возле 9 декабря – дня патриарших похорон...

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его», – только и могу я повторить вслед за апостолом Павлом, написавшим эти строки в послании к Римской церкви.

* * *

Еще одна небольшая история про 21 августа не имеет непосредственного отношения ко мне, но связана с моей поездкой на святую гору Афон – известнейшее место сосредоточения православного монашества. О самом пребывании там я расскажу чуть дальше, но именно на Афоне я узнал, что 21 августа 1903 года в местном Свято-Пантелеимоновом монастыре было чудо явления Пресвятой Богородицы.

Начиная с конца XIX века русские монахи на Афоне регулярно раздавали милостыню нуждающимся. Этот обычай завел иеросхимонах Иероним. Еженедельно из Одессы и Таганрога, где находились подворья Свято-Пантелеимонова монастыря, приходили к афонской пристани корабли с продуктами и другими нужными вещами для обители и насельников Святой горы. У Великих ворот монастыря собиралась толпа бедных монахов-пустынников, живших на Афоне в пещерах и землянках, а также много паломников, аскетов и прочих странников – в разное время их число могло доходить до восьмисот человек.

Однако этой милостыней стали пользоваться не только люди, подвижающиеся в духовной жизни, но и никому не подчиняющиеся откровенные бездельники, которые не совершали никакого труда, только желали жить за чужой счет. Видя такое, Кинот – Высшее священное управление Святой горы прислал в Пантелеимонов монастырь официальное письмо, в котором потребовал отменить раздачу продуктов и денег и найти какой-то другой способ помощи. В послании, например, были такие строки: «Подаваемая евангельски милостыня только тогда бывает приятна и любезна Богу, когда подается в разуме – людям, достойным милостыни и нуждающимся в оной. Даваемая же людям, которые недостойно представляют собой просителей милостыни и которые только на это посещение и рассчитывают, и ради этого и проживают здесь, тогда уж такая подача милостыни становится причиной вреда».

Замечание, в целом, справедливое. Но как же тогда быть настоящим подвижникам этих земель? В урочные дни они, в частности, получали от пантелеимоновских монахов хлебные лепешки, что помогало им выжить, ведь добыть еду или взрастить какие-то овощи в горной местности весьма трудно, не у всех это выходило.

Однако делать нечего, ровно через неделю после того, как пришло письмо, а именно 21 августа 1903 года, монастырь решил в последний раз раздать милостыню, и уже затем зачитать собравшимся указание из Кинота.

Сотни людей, как всегда, столпились у ворот, и монахи принялись выдавать им хлеб. В обители было такое новомодное чудо техники, как фотокамера, и одного из иноков по имени Гавриил благословили запечатлеть этот день на пленку. Он-то и сделал ставший впоследствии знаменитым фотоснимок, на котором портарь монастыря отец Алипий раздает лепешки нуждающимся. Проявив негатив, инок, к своему изумлению, увидел на фотографии, помимо отца Алипия и мужчин, получавших милостыню, фигуру бедно одетой женщины, тоже смиренно принимающей кусок хлеба.

Как? Откуда там женщина? Когда раздавали милостыню, никого подобного там не было, ведь Гавриил и все остальные видели все своими глазами! Кроме того, издревле существует афонское правило – никаких женщин на горе.

Этот запрет связан с преданием, что после вознесения Господа Христа Божия Матерь посетила Афон и была так очарована этим местом, что помолилась Сыну с просьбой выделить это место Ей в личный удел. Молитва была услышана. Уезжая, Она благословила всех жителей, а через некоторое время те в свою очередь называли Афон «садом Богородицы» и полностью посвятили гору Ее славе, сделав так, чтобы лишь Она представляла здесь свой пол. Конечно, женщин не допускают на Афон не в силу какой-то «дискриминации», а просто потому, что это место особого молитвенного подвига монахов-мужчин. Ничто и никто не должен их от этого отвлекать – в этом и есть смысл древнего обычая.

Внимательно рассмотрев фотографию, монахи поняли, что никем иным, как только самой Покровительницей Святой горы, эта женщина просто не может быть. Явления Божией Матери были здесь и раньше, многие афонские подвижники свидетельствовали, что Она приходила к ним во сне или наяву. Но раз Богородица оставила столь видимый знак своего присутствия – значит, это четкое послание всей монашеской братии: «Видите, Я сама пришла к вам в виде убогой просительницы, приняла из ваших рук кусок хлеба. Мне угодна эта милостыня, как угодна Богу любая милость, проявленная к нищим, страждущим и голодающим. Я не хочу, чтобы вы прекращали ее раздавать».

Весть о чудесном событии сразу же облетела весь Афон. И поскольку оно было очевидным и совершенно однозначным ответом на полученное ранее письмо, братья отправили в Кинот собственное послание с приложением фотографии и прошением продолжать выдавать милостыню. Четкого приказа оттуда не последовало, но милостыня не была отменена, и с тех пор ее раздавали всегда, даже в самые тяжелые для обители времена.

Впоследствии фотографию инока Гавриила увеличили и повесили на стену Свято-Пантелеимонова монастыря. В 2011 году на месте явления Богородицы построили часовню, с подведенным источником воды для совершения молебнов; уже отмечены случаи облегчения болезней после принятия воды из него.

Негатив фотографии был, как считалось, утерян. В течение XX века обитель постигло изрядное количество бедствий, включая несколько пожаров, в которых погибло много ценных материалов и пленок, а что-то разошлось и в частные коллекции. Но спустя сто десять лет после чудесного события во время работ со старым фотоархивом монастыря свершилось еще одно чудо – оригинальный негатив был найден! Радость была неимоверная. Тогдашний игумен монастыря схиархимандрит Иеремия засвидетельствовал, что: «Обретение негатива – первообраза светописанной иконы Божией Матери, – это милость Пресвятой Богородицы, свидетельствующая о том, что Игумения Афонская благоволит к обители и принимает посильный подвиг ее насельников».

Эта история, безусловно, выходит за рамки отдельно взятого монастыря и даже самой Святой горы. Она имеет значение для всех православных христиан, говоря нам о том, чтобы даже в своих трудах и заботах, мы никогда не забывали о милости к страждущим, принимая их, как приняли бы Христа, постучавшегося в наши двери. Просто на Афоне с большей силой, чем в нашей повседневной жизни, проявляются общие законы христианского бытия. Все, кому повезло там побывать, рассказывают об удивительных явлениях промысла Господня и чудесах, произошедших в результате молитв и прикосновений к афонским святыням.

Я – не исключение. Не только узнавшая мной на Афоне история обретения светописанного образа Богородицы, произошедшая в знаковый для меня день 21 августа, но и вся моя поездка на Святую гору оказалась в каком-то смысле судьбоносной.

Думаю, про это стоит рассказать отдельно.

Афон

И сказал ему Господь: «сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Деяния апостолов, 7:33

Айо Орос – так греки называют это уникальное место. Святая гора. Почти полторы тысячи лет на одноименном полуострове селятся только православные монахи – в больших и малых монастырских обителях, а также просто в скитах, пещерах, хижинах и землянках. С древних дней этот район признан отдельным духовным государством со своими уставами, законами и даже со своим особым временем. И я думаю, если на нашей земле есть святость, то живет она именно здесь.

Поехать на Афон я собирался очень давно. Еще лет двадцать назад, когда мы с семьей жили за городом, у меня был духовник, батюшка местной церкви, который по три-четыре раза в год летал на Святую гору. Мы всегда снаряжали его в дорогу, да и вообще старались помогать, как могли, а он в свою очередь привозил нам из афонских монастырей небольшие подарки: иконочки, освященные свечи, ладан, благословленные старцами вещи и так далее. Все восемь лет, что мы с ним дружили и общались, он постоянно звал меня с собой, предлагал: «Давай поедем как-нибудь на Афон вместе». И я очень хотел, но все никак не мог собраться. В том числе и собраться с духом – мне кажется, нужно немалое мужество, чтобы, будучи обычным человеком, преодолеть внутренний трепет и отправиться в такое освященное Богом место.

Хотя мы с семьей потихоньку двигались в этом направлении. Даже моя мама, которая уже в зрелом возрасте выбрала для себя путь монахини, в конце концов сумела съездить на Афон. Точнее говоря, к Афону, так как в силу многовековых установлений (я писал о них в предыдущем рассказе) на саму гору женщины не допускаются. Свод правил, запрещающих вход определенных лиц внутрь монастырей во избежание соблазна, называется аватон. Вот такой аватон действует и на Святой горе, причем запрет распространяется даже на домашних животных женского пола. Дикие звери являются исключением, ведь они – естественная часть природы; еще два исключения сделаны для кур-несушек, так как яичная эмульсия используется в иконописи, и для кошек, которые успешно ловят досаждающих монахам грызунов.

Впрочем, у женщин тоже есть возможность увидеть местные монастыри и приложиться к святыням. В определенные дни из Уранополиса к Афону отправляются небольшие кораблики, катера, на которых можно совершить паломнический круиз. В прибрежной акватории Святой горы они на несколько часов останавливаются, а монахи из разных афонских монастырей подплывают на лодках, привозя на борт главные святыни: Пояс Пресвятой Богородицы, чудотворную икону «Всецарица», частицу Животворящего Креста Господня, мощи святых и великомучеников.

Но вернемся к нашей истории. В общем, звал меня с собой этот наш батюшка, а у меня все не получалось. Хотя я столько слышал и читал о святогорских обителях, старцах и святынях, что желание попасть туда росло с каждым днем.

Потом, когда я начал работать на государственной службе, у меня появился новый знакомый, Сергей, человек известный и глубоко православный, который вкладывал очень много личных средств в один из афонских монастырей – Ватопедский. Пару раз Сергей обращался ко мне по службе (я тогда работал уполномоченным по правам ребенка): в одном случае детей отбирали у родителей, в другом – не могли определить, с кем из родителей останется ребенок. Я постарался в меру своих сил помочь ему разобраться, так мы и познакомились.

И вот однажды он предложил мне поехать с ним вместе на Афон.

Я тут же отозвался:

– Сереж, поеду с радостью. Но скажи когда? Сам понимаешь, дел много, не так просто оторваться.

Он говорит мне:

– Я езжу каждый месяц. Для меня это дело важное, может быть, попозже расскажу почему.

Я кивнул:

– Ладно, это здорово, буду иметь в виду.

И через некоторое время Сергей действительно рассказал мне свою историю.

В свое время он сильно заболел. Врачи диагностировали у него четвертую стадию рака и, хотя пытались лечить, но не давали никаких положительных прогнозов, только качали головой. Тогда Сергей собрал последние силы и приехал в Ватопедский монастырь.

Надо сказать, что самая главная ватопедская святыня – икона Богородицы «Всецарица» (по-гречески – «Пантанасса»). Уже с момента ее написания, то есть с семнадцатого века, известны случаи, когда икона благотворно влияла на тяжелобольных людей, особенно с онкологией, вплоть до полного их исцеления. А к нынешним дням свидетельств о чудесах, свершающихся по молитвам к ней и рядом с ней, стало уже просто не счесть. Люди получают облегчение даже от ее списков (копий), находящихся в других местах, или предметов, приложенных к «Всецарице».

Каждая служба в Ватопеде начинается с того, что все, кто в данный момент находится в монастыре, идут и поклоняются этой иконе, а потом уже выстраиваются на литургию. Сама она небольшого размера, в красивом окладе, и вся завешана дарами от людей, которые почувствовали идущую через нее благодать и излечились. Я видел ее – чего только на ней нет, висят чьи-то золотые кресты, медальоны, цепочки, даже часы дорогие: представьте, кто-то в душевном порыве просто снял часы с руки и повесил на угол иконы. И я могу понять этих дарителей. Сам лично знаю несколько случаев исцеления, произошедших благодаря «Всецарице». В том числе и тот, про который мне рассказал Сергей.

Он приехал на Афон в совершенно безнадежном состоянии. Бог и ватопедская икона Божией Матери были его последней надеждой. Несколько недель Сергей провел в монастыре и каждый день вместе с монахами молился возле «Всецарицы». Спустя время он стал чувствовать себя все лучше и лучше, а затем понял, что полностью излечился. Вернувшись в Москву, Сергей тут же пошел к онкологам, и те, осмотрев его, лишь руками развели: «А у вас ничего нет, никакого рака».

Забегая вперед, скажу, что во время моей поездки на Афон я познакомился еще с одной группой паломников, оказавшихся там одновременно с нами, и один из них рассказал, что прилетел из-за больной жены, у которой тоже рак в четвертой стадии. Говорит: «Я приехал сюда и попросил монахов помолиться за нее. Те начали молиться возле “Всецарицы”. Через некоторое время звоню в больницу – жене стало легче! Более того, врачи сделали все исследования и анализы, сказали: опухоль уменьшилась». То есть даже так, на расстоянии, икона продолжает оставаться чудотворной, потому что Богородица помогает везде. Для Нее, для святых, для нашего Господа нет таких понятий, как расстояние или стены.

И подобных чудес много. Наслушавшись на Афоне самых разных рассказов, мы даже как-то пристали к местным монахам: «Почему вы не записываете все удивительные случаи? Это же такая благодать, столько всего происходит, люди должны знать. Пишите!» Они улыбнулись: «Друзья, если бы мы записывали все происходящие здесь чудеса, то на это вся жизнь бы ушла, нам некогда было бы заниматься всем остальным». Но, конечно, все же что-то остается в памяти братьев и в их записях, да и простые люди передают из уст в уста свои и чужие удивительные истории.

Рассказав мне о себе и своем духовном опыте, Сергей снова позвал меня на Афон. И потом звал еще несколько раз. Я же никак не мог собраться: то работа, то командировки, то съемки, то дела семейные – все некогда. Как-то я почти уже подготовился, написал Сергею, чтобы узнать подробности, но тот, видимо, занят был, пропустил мое письмо, а дальше я снова закрутился.

Другой мой товарищ, тоже православный меценат и подвижник, по имени Константин, также неоднократно бывал на Афоне, и в какой-то момент они решили поехать туда вместе с Сергеем. Пригласили и меня, конечно, а я опять не смог.

Даже крестник мой однажды позвонил и говорит: «Лечу на Афон в хорошей компании, вместе с православным епископом. Давай с нами». Я уже и тогда знал, что на Святую гору лучше ехать со священником, чтобы у тебя был опытный проводник, который помог бы на месте, объяснил, что делать, как подобающе себя вести, показал бы, куда и зачем надо сходить и так далее. Потому что, когда приезжаешь на Афон, тебя там за ручку никто не водит. Хочешь – иди на службу, не хочешь – не ходи, хочешь – спи в своей келье, хочешь – гуляй вокруг. А куда именно идти и что делать, ты сам толком не знаешь. Вот на такой случай желательно быть со сведущим человеком. Так что крестник предложил замечательный вариант, но и в тот раз у меня не получилось полететь с ними.

А потом началась пандемия...

Всё, дождался, подумал я, теперь точно никуда не попаду. И очень расстроился. Тем более что как раз в то время вдруг отовсюду навалились сложности и жизненные проблемы; я стоял на перепутье, растерянный, подавленный, не зная, что делать. Молился, разумеется, но ответ как будто бы не приходил. В общем, это был действительно тяжелый период, когда мои душевные силы оказались почти на исходе.

Ровно в этот момент мне внезапно звонит мой товарищ Александр (я рассказывал про него в первой книге «Простые чудеса») и радостно сообщает:

– Паша, мы устроили поездку на Афон. Небольшой группой.

Я чуть телефон от удивления не выронил:

– Как вам удалось?! Европа же закрыта, и Греция тоже, да и сама Святая гора...

Он только рассмеялся:

– С Божьей помощью. Слушай, у нас в группе есть одно место, и я всем сказал, что Паше нужнее всех... Поехали, я беру тебя с собой.

И я понял – вот он, знак. Если не сейчас, то, может быть, уже никогда. Говорю:

– Я готов!

Собрался буквально за день: отменил все дела, перенес встречи, договорился с семьей, покидал вещи в сумку и уже на завтра был готов к отлету, ведь Саша позвонил мне всего за пару суток до поездки.

Полетели. Всю дорогу до полуострова я волновался: неужели это взаправду и я еду на Афон? А вдруг все отменится в последний момент? Документы грекам не подойдут, или тест ПЦР не устроит, или просто возьмут и развернут без объяснений – пандемия же. В конце концов, вдруг Богородица не пустит...

Афон – особое место, находящееся под покровительством Божией Матери, и я слышал о разных случаях, когда человек никак не мог попасть на Святую гору из-за внешних обстоятельств или попадал туда, но не с первого раза, будто сама Богородица говорила: «Тебе сюда еще рано». Как-то я прочитал статью на новостном портале о том, что даже президент нашей страны побывал на Афоне отнюдь не сразу. Один раз хотел приехать, но помешала снежная буря, во второй раз произошла трагедия в Беслане, и президент прервал свой визит, не доехав до Греции, так что лишь на третий раз все получилось. Он посетил местные монастыри, встретился с афонскими старцами и, как говорят, долго-долго с ними беседовал. О чем – неизвестно.

Но после того пребывания на Святой горе Владимир Владимирович стал очень много делать для Афона. Например, то, как сегодня выглядит Пантелеймонов монастырь, с его огромной гостиницей, с паломническим центром, с вымощенными дорогами, с ремонтом и реставрацией древностей, – это заслуга нашего президента, все сделано при его непосредственном участии. Дважды он встречался с архимандритом Ефремом, игуменом Ватопедского монастыря и одним из самых почитаемых ныне живущих святогорских старцев. Отец Ефрем нередко вспоминает об этих беседах с президентом и даже просит передать поклон, если есть такая возможность.

Да и обычных житейских препятствий на дороге к Святой горе тоже оказалось много. Наша группа вынуждена была четыре раза сдавать тесты ПЦР: на вылете из Москвы, в Салониках по прилете, в Уранополисе и уже на самом Афоне. Ограничения везде колоссальные: строго по два человека в машину, полиция останавливает, считает по головам, переписывает. Так что в Салониках нам пришлось платить за три микроавтобуса вместо одного. И еще еле-еле успели доехать до Уранополиса! В шесть вечера у них начинается комендантский час, перекрывают все дороги. А мы днем прилетели, пока багаж получили, пока туда-сюда, затем из-за пробок два с лишним часа на машинах нас везли – в общем, в город мы попали уже в семнадцать часов. Водители микроавтобусов чуть ли не повыкидывали нас из салона вместе с сумками и скорее-скорее рванули обратно, чтобы успеть вернуться до комендантского часа.

На катер в Уранополисе тоже так просто не сядешь: хотя кораблик на двадцать мест, но пускают только по четыре человека. Говорят: «Если хотите ехать, выкупайте два катера». Ладно, разместились на двух, плывем, смотрим, какие-то темные тучи нас догоняют. Февраль на дворе – и дождь может пойти, и снег, а если буря начнется, так нас просто развернут и увезут обратно в город, не попадем никуда. В общем, всю дорогу я молился, чтобы нам удалось добраться до места.

Но, слава Богу, тучи нас не догнали, и мы все-таки высадились на Афоне. А он, как оказалось, чуть ли не весь закрыт. Вход в любой монастырь только с тестами ПЦР, передвижение между монастырями запрещено, кое-какие обители и вовсе полностью заперты в карантине, так как монахи болеют. И всем паломникам, которые, несмотря ни на что, туда добираются, каждые два дня делают тесты на ковид. Однако Ватопед все же был открыт для посещения. Кстати, удивительно, в нем живут триста монахов, и ни один из них не заболел!

В общем, мы приехали в Ватопедский монастырь, кое-как разместились. Я вышел на улицу, стою, смотрю на серое февральское небо, думаю: «Какое чудо, что я сюда попал. Вопреки всему!» А потом понял, что в нашем приезде именно в это нелегкое время есть один большой плюс: из-за того, что пандемия и все закрыто, на Святой горе никого нет. Очень мало паломников: нас семь человек да еще одна группа тоже из России – четверо ребят, с которыми мы потом познакомились (между прочим, переписываемся с ними до сих пор). Русские люди, они такие, готовы рвануть куда угодно вопреки всему.

Итак, время шесть часов вечера. Нам говорят: «В шесть тридцать можно прийти на службу». А мы только с дороги, голодные, ничего не ели несколько часов, но вещи бросили и пошли. Хорошо, что в гостинице, где паломники живут, стоят вазочки с конфетами, печеньями, сухарями и фруктами, а также есть вода, поэтому мы успели чуть-чуть перекусить и в половину седьмого уже были в храме.

Служба длится до часу ночи, шесть с половиной часов. Мы провели там какое-то время, потом нам тихонько сказали: «У вас сейчас будет исповедь. Придет владыка, отец Ефрем, он примет на таинство тех, кто завтра хочет причащаться». И где-то в половину двенадцатого настоятель Ефрем действительно позвал нас и начал исповедовать. Заходили каждый по одному, при игумене уже был переводчик, иеромонах. Вот так все и исповедовались.

Выходим мы с Александром после исповеди, довольные такие, на душе легко, свободно – ни с чем не сравнимое ощущение. Видим, что служба вроде как уже к концу подходит, решили

пойти на улицу. Стоим там, дышим свежим воздухом, вокруг темно, звездное небо над головой... Афоризм Канта в чистом виде! И вдруг идет какой-то монах и говорит нам:

– Братя, а вы что, католики?

Мы переглядываемся:

– Нет.

– А что ж вы тогда со службы уходите? Ну-ка давайте обратно.

Улыбнулись, пошли обратно и уже стояли там до часу ночи.

Но везде с нами обращались деликатно и мягко. Например, монахи видят, что ты паломник, и ставят поближе к алтарю. А когда в самом начале и в самом конце литургии все идут поклониться иконе Богородицы, они всегда пропускают тебя вперед. Все время помогают, однако при этом никто ничего не навязывает, ты должен определиться сам.

Как завершилось все, нам говорят: «Идите отдохните. И помните, в семь часов – новое богослужение». Мы вздохнули и наконец пошли спать, этот долгий, полный волнений день был окончен.

В половине седьмого утра нас разбудил стук, раздающийся в коридоре, – как оказалось, это местный «будильник». Представьте, ходит монах, у него в руках длинная палка, и он стучит по ней другой палкой: «Тум-тум, тум-тум». Выбивает определенный ритм. Потом стук становится все быстрее и быстрее – значит, время уже совсем на подходе, нужно вскакивать и бежать на службу. И эти монахи как тысячу лет назад ходили с палками, так и ходят до сих пор: никаких часов, мобильных телефонов и даже механических будильников.

Интересно, что во многих афонских монастырях пользуются византийской системой исчисления времени, когда новые сутки начинаются с заходом солнца, а дневное время считается с момента рассвета. Получается, что вечер, в привычном нам понимании, становится ночью, а ночь превращается в утро. Из-за того, что в разное время года световой день тоже разный, то в весенние месяцы разница между официальным греческим и местным афонским временем составляет три часа, а зимой может достигать аж семи часов. Для паломников, которые с непривычки во всем этом путаются, время богослужений мирянам сообщают по греческому исчислению. А византийское время можно посмотреть на часах колоколен.

Как бы то ни было, мы застали такой порядок: служба в семь утра (длится несколько часов), затем трапеза, следующее богослужение с четырех до шести часов дня, потом еще какой-то перекус и затем вечерняя (по-нашему обычному восприятию времени) литургия в двадцать два часа. В общем, получается, что четырнадцать часов в сутки ты проводишь на службе. И ладно еще мы, гости, как приехали, так и уехали, а монахи живут так постоянно, совершая ежедневный молитвенный подвиг.

На служении обычно приходится стоять. Однако вдоль стен есть специальные места – стасидии, там можно и присесть, прислонившись спиной к стене. Это такие деревянные ячейки на одного человека, с высокими перилами, чуть ниже располагается складное сиденье. Там ты стоишь или складываешь сидушку вполтину и находишься как бы в полуприседе, что позволяет расслабить ноги, а сложенные деревянные планки в этом случае тебя поддерживают. И есть моменты в литургии, когда можно полностью сесть, например, при чтении «Апостола» или причастии; тогда эта подпорка раскладывается обратно, и ты на нее опускаешься, отдыхаешь.

В греческих храмах на Афоне во время службы монахи не стоят посередине помещения. Центр храма – пустой. Они поют в хоре, служат или размещаются в этих стасидиях вдоль стен. К паломникам относятся с пониманием, как видят, что ты зашел, ставят тебя на свободное место. Если ты отлучился, к кресту приложиться или еще куда, возвращаешься, а твоя стасидия занята, то какой-нибудь монах обязательно уступит тебе место.

На нашей первой службе мы простояли шесть с половиной часов. До этого весь день в дороге, отдохнуть не успели... конечно, в какой-то момент сознание выключается. Отключился на пару секунд, потом очнулся, дальше стоишь. Тяжело? Да, тяжеловато, особенно с непри-

вычки, однако монахи правильно говорят: лучше в храме спать, чем в келье бодрствовать. Плохо тебе, хорошо, грустно, весело, хочешь спать, не хочешь – иди в храм, там всегда лучше.

В какой-то момент богослужения в помещении становится очень темно, только лампадки горят кое-где, да еще маленький светильник со свечкой у того, кто читает, ну или у певчих, чтобы ноты видеть. А так абсолютная темнота. И вот тогда время для тебя вообще останавливается. Остаешься только ты, твоя молитва и Бог. И лишь где-то там, вдалеке слышны голоса певчих, напоминающие тебе об ангелах, суровых, могучих и добрых.

Мы были там всего три дня, поэтому почти все время провели на службах. Те, кто остается подольше, просят какое-то послушание. Можно, например, на кухне работать, помогать картошку чистить, еще что-нибудь делать. Или убираться в монастырских помещениях. Мы сами видели, как люди приходят и прибираются там. Ни один монах тоже не сидит праздно, между службами все работают, кто где. Нас же освободили от этого, так как почти не было посетителей. В лучшие времена, когда еще не началась пандемия и монастырь был открыт, в нем собиралось до тысячи паломников. А сейчас людей было очень мало: нас всего семеро, четверо ребят из второй группы и греки еще, несколько человек: какие-то военные и два богослова известных, один мирянин, а другой тоже монах.

После утренней (во всяком случае, для меня она была утренней) службы, нас пригласили на трапезу вместе с монахами. Там все очень правильно устроено: не отслужили и бегом кушать, а всё спокойно, размеренно, с достоинством. Сначала пришел владыка Ефрем, игумен, все вместе помолились, затем он рассказал что-то интересное (на каждый день – своя тема), и лишь потом все приступили к еде. Причем у них есть чтец, который во время трапезы читает жития святых – получается сразу и телесная пища, и духовная.

Стол полный, россыпь всего. Даже вино стоит, белое, розовое, красное, можно брать, пожалуйста, в монастыре это разрешается. Еды достаточно много и весьма вкусной. Все поели. После трапезы игумен, который сидит на центральном месте, опять же, всегда читает, рассказывает что-то на богословскую тему: о нестяжании, например, или послушании.

В тот раз была очень интересная беседа о пути к Богу через молитву. Владыка Ефрем говорил о том, что человек, знающий все молитвы, не всегда обретает благодать Божию, а вот тот, кто (пусть не зная молитв) идет по пути смирения, находит ее. Иными словами, через молитву к смирению можно и не прийти, а через смирение к молитве – точно можно. Еще игумен попросил выступить перед всеми двух приезжих богословов, о которых я уже упоминал. Они рассказывали о своем духовном опыте и изысканиях, и это тоже оказалось очень познавательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.